

**ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**КОРЕЙСКИЙ ЯДЕРНЫЙ КРИЗИС:
ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕЭСКАЛАЦИИ**

**Под редакцией
Алексея Арбатова, Владимира Дворкина,
Сергея Ознобищева**

**Москва
ИМЭМО РАН
2013**

УДК 327.37 (519)
ББК 66.4(0) (5К00)
Коре 663

Авторский коллектив:
А.Г. Арбатов, В.И. Есин, В.В. Михеев, В.Е. Новиков

Рецензент: А.В. Воронцов – заведующий Отделом Кореи
и Монголии Института востоковедения РАН, к.и.н.

Коре 663

Корейский ядерный кризис: перспективы деэскалации. Под ред.
А.Г. Арбатова, В.З. Дворкина, С.К. Ознобищева. – М.: ИМЭМО
РАН, 2013. – 68 с.

ISBN 978-5-9535-0369-3

Настоящая публикация представляет собой десятую из серии работ в рамках совместного проекта ИМЭМО РАН и фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» (“Nuclear Threat Initiative, Inc” – NTI) под общим титулом: «Перспективы многостороннего ядерного разоружения». В ее основу легли материалы конференции, состоявшейся 28 марта 2013 г. в ИМЭМО РАН.

Данное исследование подготовлено в рамках Проекта по ядерной безопасности (NSP) при поддержке NTI. Дополнительную информацию можно получить на сайте NSP <http://nuclearsecurity.org> Представленные в данной работе взгляды принадлежат авторам и не отражают позиции ИМЭМО или NSP.

Korean Nuclear Crisis: Prospects of De-escalation

This is the tenth publication of the series titled “The Prospect of Multilateralizing Nuclear Disarmament Process”, which is to be issued in the framework of joint project implemented by the Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) and the Nuclear Threat Initiative, Inc. (NTI). It is based on the discussion at the conference held in IMEMO RAN on March 28, 2013.

This research report was commissioned by the Nuclear Security Project (NSP) of the Nuclear Threat Initiative (NTI). For more information see the NSP website at <http://www.nuclearsecurity.org>. The views expressed in this paper are entirely the authors' own and not those of the IMEMO or NSP.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0369-3

© ИМЭМО РАН, 2013

Оглавление

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ.....	5
ВВЕДЕНИЕ	7
1. КНДР: ПРОБЛЕМЫ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В.В. Михеев	9
2. ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА КНДР: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ В.Е. Новиков.....	19
3. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РАКЕТНО-ЯДЕРНОГО ПОТЕНЦИАЛА КНДР В.И. Есин.....	27
4. ПРАВО ВЫХОДА ИЗ ДОГОВОРА: КОРЕЙСКИЙ ПРЕЦЕДЕНТ А.Г. Арбатов	41
ВЫВОДЫ.....	57
ПРИЛОЖЕНИЕ 1 ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	64
ПРИЛОЖЕНИЕ 2 Список участников конференции, состоявшейся 28 марта 2013 г. в ИМЭМО РАН.....	66

Краткое содержание

В предлагаемой работе, основанной на материалах проведенной в ИМЭМО РАН конференции, представлен анализ побудительных мотивов и возможных последствий кризиса вокруг Северной Кореи и ее ракетно-ядерной программы. Специалисты сходятся во мнении, что одним из мощнейших стимулов, толкающих КНДР по пути развития военного ядерного потенциала, являются интересы выживания правящего режима. Авантюристическая внешняя и военная политика, нагнетание международной напряженности преследуют цель консолидации властных структур вокруг нового лидера и сплочения народа вокруг правящей элиты в условиях искусственно создаваемой обстановки военной угрозы.

На страницах брошюры известные эксперты представляют развернутый политический анализ внутренней ситуации в Северной Корее, вероятных тенденций ее развития, специфических моментов, связанных со сменой политического руководства страны. В военном разделе работы представлены история создания и анализ нынешнего состояния ядерного и ракетного потенциалов КНДР. Дается прогноз возможностей и сроков их модернизации и наращивания.

Специфика обретения Пхеньяном ядерного оружия, его безнаказанный и необоснованный выход из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в 2003 г. указывают на наличие большой «бреши» в системе нераспространения, которая все чаще дает «сбои» и в других своих звеньях. В представленной работе предлагаются логичные и реально осуществимые меры по недопущению рецидивов этого негативного опыта в будущем. Одновременно выдвигается целая система практически значимых предложений, которые, в случае их реализации, могли бы снизить накал северокорейского кризиса, стабилизировать ситуацию в среднесрочной перспективе и укрепить режим нераспространения в целом.

Введение

Северокорейский ядерный кризис показателен для критического состояния международной системы нераспространения ядерного оружия. Многие аспекты этой проблемы были глубоко и всесторонне проанализированы в ходе конференций и в публикациях в рамках совместной программы ИМЭМО-НТИ в 2010–2013 гг.

Лидеры ключевых стран, специализированные международные организации в сфере безопасности (ООН, МАГАТЭ, НАТО, ОДКБ, переговорные группы «5+1», «6+1» и др.), равно как мировое экспертное сообщество оказались не в состоянии предложить универсальные работающие схемы по эффективному противодействию распространению ОМУ или действенные модели выхода из конкретных региональных кризисов, связанных с распространением.

В итоге, несмотря на достигнутый за последние 20 с лишним лет прогресс в ядерном разоружении и нераспространении, международная безопасность подвергается серьезным испытаниям, стала менее предсказуемой, а стимулы к распространению ядерного оружия не только не устранены, но в некоторых аспектах даже усилились. Более того, в международной жизни возник и утвердился феномен сочетания стремления к обладанию ядерным оружием и осуществления авантюристического, провокационного политического курса со стороны руководства тех стран, которые это оружие стремятся обрести.

Но даже в таком негативном общем контексте, пример Северной Кореи может быть расценен как из ряда вон выходящий. Руководство КНДР на протяжении десятилетий, с краткими перерывами, наращивает военный ядерный и ракетный потенциал и одновременно своими действиями и риторикой периодически ввергает Дальневосточный регион в опасные военные кризисы и держит в напряжении соседние страны и все мировое сообщество. Будучи не в силах улучшить экономическое положение как базис

существующего тоталитарного политического строя, руководство этой страны пытается стабилизировать режим за счет дестабилизации военно-политической ситуации в регионе и за его пределами.

Уникальность «северокорейского случая» состоит еще и в том, что это единственная пока страна, которая денонсировала Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) от 1968 г. и вышла из него, вслед за этим открыто создав и испытал ядерное оружие (ЯО). Таким образом КНДР создала опаснейший прецедент использования преимуществ международного сотрудничества в развитии мирной атомной энергетики, которое поощряет ДНЯО, а затем выхода из Договора и создания на этой материальной основе ядерного оружия, что призван запретить Договор о нераспространении. Тем самым, смысл и суть ДНЯО обращаются в свою противоположность: вместо предотвращения появления новых ядерных государств – в подстегивание этого процесса. Такой прецедент циничного и безнаказанного вероломства может оказаться заманчивым для других стран, как, например, Ирана и иных возможных последователей северокорейского опыта. Этот образ действий бросает еще один вызов мировому сообществу и глобальной безопасности. Он требует разработки дополнительных норм и мер для недопущения подобных рецидивов в будущем.

В представленной работе, в основу которой легли материалы конференции, проведенной 28 марта 2013 г. в ИМЭМО РАН в рамках совместного проекта с фондом «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» (NTI), предлагаются некоторые прогнозы развития северокорейской ракетно-ядерной программы, формулируются предложения по урегулированию или, как минимум, стабилизации положения в регионе и предотвращению повторения подобных событий в будущем.

1. КНДР: ПРОБЛЕМЫ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

В.В. Михеев

Ключ к пониманию связи между внутренней и внешней политикой Северной Кореи заключен в интересах выживания северокорейского режима. Тоталитарное руководство страны видит в рыночных реформах и политике открытости прямую угрозу своей власти. Внешний мир воспринимается как враждебный. Главными врагами считаются США, Южная Корея и Япония. Китай рассматривается как «вынужденный» партнер (поскольку сейчас Пекин практически в одиночку продолжает оказывать экономическое содействие Северной Корее). При этом, в северокорейском понимании, КНР может обмануть Пхеньян и не окажет военной поддержки в случае войны на Корейском полуострове.

Отношения с внешним миром строятся на принципах ядерного шантажа (получить помощь в обмен на обещания затормозить ядерную программу) и игре на противоречиях между главными мировыми игроками. Россия и Европейский союз, как и АСЕАН, рассматриваются в качестве «полюсов балансирования».

После смерти Ким Чен Ира в конце 2011 г, прихода к власти в 2012 г. его сына Ким Чен Ына и ядерных испытаний 2013 г. в Северной Корее и вокруг нее складывается новая политическая ситуация.

Ядерная Северная Корея: поворотный момент. Последнее, третье по счету за семь лет, ядерное испытание в Северной Корее представляет собой очередное грубое нарушение режима нераспространения ядерного оружия и соответствующих резолюций ООН. Резкое осуждение действий Пхеньяна со стороны СБ ООН представляет собой логичную и предсказуемую меру.

Вместе с тем нынешняя ситуация – особая. Мир стал привыкать к тому, что КНДР имеет военную ядерную программу,

проводит не всегда удачные испытания, периодически нагнетает напряженность в Северо-Восточной Азии, но добиться реального успеха в создании современного ядерного оружия не может по причине технологической отсталости, усугубляемой внешней изоляцией.

Однако в ядерной истории Северной Кореи, похоже, *наступил поворотный момент*. И хотя о создании современного атомного оружия речи пока не идет, последнее ядерное испытание обозначило существенный прогресс северокорейских разработчиков. Угроза обладания Пхеньяном ядерным оружием становится реальной. А если такое случится, то возможности воздействия мирового сообщества на Пхеньян, тем более, уменьшатся.

О серьезности ситуации свидетельствует и возросшая, по сравнению с предыдущими испытаниями, жесткость международной реакции, прежде всего, со стороны Китая. Официальный Пекин выразил «недовольство» (не «сожаление», «озабоченность» и т.п.), что в переводе с китайского дипломатического языка означает: терпение руководства КНР находится на грани. Китайские эксперты по Северной Корее, опять же впервые, заговорили о том, что Пекин должен в данной ситуации действовать жестко, даже если это приведет к ухудшению отношений с КНДР.

Если жесткость в восприятии ситуации новым пекинским руководством сохранится, то можно предположить внесение в китайскую новую внешнеполитическую доктрину (разработку которой предполагается завершить к осени 2014 г.) иных, чем до сих пор, более решительных подходов Китая к КНДР.

Чего добивается Северная Корея? Во-первых, новый северокорейский лидер Ким Чен Ын показал, что не намерен изменять стратегию развития страны, и продолжит следовать старым курсом ядерного шантажа в надежде на получение от США и Южной Кореи экономической помощи в ответ на обещания свернуть ядерную программу. Такие обещания периодически даются, а затем отзываются под практически неизменным предлогом «американской угрозы». Чем дальше продвинута ядерная программа – тем больше Вашингтон и Сеул, по мнению Пхеньяна, должны «платить» за нее.

На протяжении 1998–2007 гг. прошлые лидеры Сеула так и реагировали на ситуацию: предоставляли помощь без взаимности со стороны Пхеньяна, исходя из той посылки, что за безопасность надо платить. В похожем варианте действовали и американские администрации до президента Барака Обамы.

Приход к власти в США Обамы и в Южной Корее Ли Мен Бака положил конец этой «спиралевидной» модели развития событий: Пхеньян обостряет ситуацию – получает материальную помощь в обмен на обещания свернуть ядерные и ракетные разработки – использует помощь, не выполняет обещания – снова нагнетает напряженность и т.д.

В начале 2013 г. в США и Южной Корее к власти пришли новые команды, хотя и возглавляемыми прежними политическими силами: в США переизбран Обама, в Южной Корее новым президентом стала Пак Гын Хе, из той же правящей партии, что и ушедший президент.

Во-первых, недавние ядерные и ракетные испытания Пхеньяна – это попытка посылки сигнала новым властям в Вашингтоне и Сеуле: «Сейчас вам все же опять придется платить, поскольку мы добиваемся прогресса в ракетно-ядерной программе».

Во-вторых, для руководства КНДР важен внутривнутриполитический «рикошет» подобных акций. Политики и аналитики из многих экономически благополучных стран часто недоумевают: почему бы Пхеньяну не заняться рыночными реформами и со временем не стать такой же быстро развивающейся страной как, например, Китай.

Ответ следует искать в логике существования северокорейского режима. Ким Ир Сен и Ким Чен Ир не пошли на рубеже 1990-х годов на рыночные реформы, увидев в них ясную перспективу потери власти: быстро, по советскому варианту, или постепенно, по китайскому. (В частности, китайский принцип сменяемости лидеров совершенно неприемлем для северокорейского клана Кимов.)

После прекращения советской помощи и ее сокращения со стороны Китая в начале 1990-х годов северокорейская командно-распределительная экономическая система сталинского образца стала стремительно разваливаться. Власть не могла обеспечить население продовольствием. Предприятия не работали, не было света и воды. Ситуация и дальше ухудшается все последние 20 лет.

Сегодня уже 30% населения живет на грани голодной смерти: по сообщениям южнокорейских СМИ, учащаются случаи каннибализма, которые недавно стали признаваться и северокорейскими чиновниками. В этих условиях процветает воровство, подпольные производства, черный рынок и коррупция, которые косвенно работают на поддержку режима в условиях отсутствия рыночных норм и механизмов.

При этом около 10% населения живет относительно неплохо. Эта группа имеет мобильные телефоны и компьютеры – пусть и без выхода за рубеж, автомобили, возможность тратить деньги в коммерческих ресторанах и магазинах типа советских «Березок» или тех, что создавались после Второй мировой войны для государственного изъятия выданных советским офицерам денег за участие в войне. Нередко эти блага путают с частным сектором, но они предоставляются государственными предприятиями – легальный частный бизнес в КНДР запрещен законом. Эта социальная верхушка имеет доступ либо к иностранной валюте через каналы внешней помощи и сотрудничества, либо к централизованно распределяемым ресурсам, часть которых через коррупционные схемы идет на «черный рынок». Личные интересы этого слоя состоят в сохранении своих привилегий и внушению остальному населению восприятия всех тягот как следствия «внешней угрозы» со стороны США. Быстрая и явная социальная стратификация – это новый фактор внешней политики нагнетания напряженности со стороны Пхеньяна.

Еще один внутривнутриполитический аспект состоит в том, что ядерное испытание, как и запуск баллистической ракеты в декабре 2012 г., нацелены на повышение личного авторитета Ким Чен Ына. Его приход к власти не был подготовлен ни организационно, ни пропагандистки. Например, до сих пор не объявлен год его рождения, т.к. не завершена идеологическая работа по стыковке новой легенды о сыне с существующими «революционными» легендами о деде и отце.

После провальной попытки запустить баллистическую ракету в апреле 2012 г. в северокорейском обществе, несмотря на его закрытость и подконтрольность власти, стали распространяться негативные мнения о Ким Чен Ыне как о недееспособном лидере. На изменение этого мнения нацелены заявленные ракетные и

ядерные успехи в качестве свидетельства становления авторитета Ким Чен Ына.

Почему Пхеньян не боится? В Северной Корее уверены в том, что противоречия и рост соперничества между Россией, США и Китаем носят вечный характер. Предполагается, что это дает шансы на постоянное маневрирование и игру на противоречиях тройки при уверенности в том, что против КНДР эти страны вместе серьезно действовать не будут (например, путем военной операции).

В Пхеньяне также не боятся экономических санкций.

Во-первых, внешние связи Северной Кореи и так существенно ограничены, и новые санкции мало что изменят.

Во-вторых, в Северной Корее нет частного бизнеса, нет среднего класса, чьи интересы могут быть ощутимо (как, например, в Иране) затронуты санкциями и могут побудить их к оказанию давления на власть. Нет и механизмов такого давления.

В-третьих, положение и интересы большей массы населения власть попросту не интересуют.

И, наконец, главное – существующие у мирового сообщества санкционные возможности не могут кардинально повлиять на положение северокорейской верхушки. Китай, несмотря на «недовольство», не пойдет на полное прекращение экономических связей с КНДР из-за опасений наступления там полного социального коллапса и наплыва критического для стабильности Северо-востока Китая числа голодных северокорейских беженцев. Европейские страны, в силу своих либеральных традиций, не смогут полностью заблокировать деятельность северокорейских банков, обслуживающих «золото и денежные потоки партии».

Япония и так ввела торговые санкции против КНДР, минимизировав коммерческие потоки. Однако главное для Пхеньяна не столько торговля, сколько роль просеверокорейской организации Чхонрен, выступающей «финансовым окном» КНДР в мир. Поставить под санкции Чхонрен японское правительство может, только изменив внутреннее законодательство, что является сложным и долгим делом.

Что делать? В положении КНДР, похоже, наступает поворотный момент. Нынешняя ситуация бросает вызов главным мировым ядерным державам: России, США, Китаю, имеющим общие интересы в отношении КНДР – не допустить, чтобы Пхеньян стал обладателем сколько-нибудь значительного и реально

применимого ударного ракетно-ядерного потенциала. Совпадение интересов позволяет ставить вопрос о том, чтобы достичь, наконец, прорыва в развитии трехстороннего политического и военного сотрудничества трех великих держав.

В этом контексте, как представляется автору этой главы, при новом обострении ситуации со стороны Пхеньяна, концепция точечного превентивного удара с использованием обычного оружия по ядерным объектам Северной Кореи заслуживает, по крайней мере, предметного обсуждения. И об этом может стать известно лидерам КНДР.

Но этого недостаточно. Единственный путь окончательного решения северокорейского ядерного вопроса – это постепенная смена характера северокорейского режима в направлении рыночных изменений и большей открытости. Однако сам режим на это не пойдет. Здесь требуется стратегия «тотального вовлечения» Северной Кореи в социально-экономические контакты с внешним миром, нацеленная на изменение менталитета тех в КНДР, кто все же способен меняться, хотя бы по причине личной заинтересованности в валюте и житейских благах.

На этом пути может пригодиться опыт политики открытости и широких контактов со стороны США и других стран Запада в отношении бывшего СССР в 1980-е годы. Эта политика, в большой мере непреднамеренно, но вполне объективно, в конце концов, привела к мирному коллапсу советской идеологии и политического режима, который «генетически» не мог существовать, кроме как в состоянии полной закрытости и перманентной вражды с окружающим миром.

Однако для этого необходима координация усилий заинтересованных стран. И если в вопросах силового сдерживания Пхеньяна на первые роли выходят ядерные державы, то в политике «тотального вовлечения» требуется взаимодействие всех стран – участниц шестисторонних переговоров по Северной Корее.

Для этого уже создана площадка в виде механизма шестисторонних переговоров, которая пока что для этих целей не используется. С участием КНДР они вряд ли скоро возобновятся. Пхеньян сегодня делает ставку на двусторонние связи с США и Южной Кореей. Однако в шестистороннем формате действует так называемая пятая группа по проблемам безопасности в Северо-Восточной Азии, единственная, допускающая работу и без участия

КНДР. Председателем группы является Россия. Сейчас как раз наступает тот поворотный момент, когда начало регулярной и содержательной работы этой группы приобретает важное значение как дополнительный стимул активного вовлечения КНДР в многосторонний диалог. Скорее раньше, чем позже там поймут, что не в интересах Северной Кореи самоустраняться от участия в решении важных вопросов регионального сотрудничества, которое в ином случае может развиваться и без нее.

Возможность коллапса режима в Северной Корее. Внутриполитическая система в Северной Корее продолжает расшатываться. В июле 2012 г. это проявилось в существенных изменениях в северокорейской политической верхушке. Был смещен со всех постов некогда самый могущественный после Ким Чен Ира деятель – Ли Ен Хо. Вместо него назначен 60-летний Хен Ен Чхоль, по всей видимости, представитель другой соперничающей группировки (Чан Сон Тхэк – Ким Ген Хи). Ким Чен Ын был избран маршалом. Смещение Ли сопровождалось вооруженным противостоянием и стрельбой – чего не было с конца 1950-х годов.

Из событий июля 2012 г. можно сделать следующие выводы. Во-первых, после болезни Ким Чен Ира в 2008 г. обострилось противостояние между военными, т.е. теми, кто опирается на структуры ГКО, во главе с Ли Ен Хо, и «партийцами», опирающимися на партийные институты (в роли их представителя выступил спикер парламента Ким Ен Нам). Ли Ен Хо был снят решением Пленума Политбюро ЦК ТПК (по старой советской традиции), а не как во времена Ким Чен Ира решением вождя или ГКО. Партийный аппарат укрепил свои позиции в стране. А Центральная военная комиссия ТПК, о которой раньше мало что было слышно, получила контроль над армией.

Во-вторых, разбалансировка политической системы Северной Кореи усиливается. Ким Чен Ын не присутствовал на Пленуме, а это говорит о том, что он оставил решение вопроса о Ли Ен Хо своим доверенным людям (Ким Ген Хи и Чан Сон Тхэку). Пленум прошел в воскресенье, когда Ким Чен Ын мог быть на отдыхе. Информация о решениях Пленума появилась сразу же – чтобы не дать Ли Ен Хо шанса на ответные шаги (жалоба Ким Чен Ыну, обращение к верным воинским подразделениям).

Ким Чен Ын, в отличие от Ким Чен Ира, не контролирует повседневную партийную жизнь, предпочитая быть «над схваткой». В качестве вознаграждения за поддержку акции против Ли Ен Хо Ким Чен Ыну было присвоено звание маршала – что не имеет практического значения, поскольку Ким Чен Ын уже обладает всеми высшими должностями, в том числе главнокомандующего.

В-третьих, ситуация в Северной Корее отчасти напоминает ситуацию в бывшем СССР в период больших перемен. Через три месяца после смерти Сталина (март 1953 г.) в июне 1953 г. был смещен со всех постов и арестован (а затем расстрелян) Берия, руководитель советских спецслужб и на тот момент самый влиятельный человек в стране.

Изменение внутривластного баланса может ускорить противоречивые процессы трансформации Северной Кореи. Однако говорить о позитивных рыночно-демократических реформах преждевременно. Северокорейское руководство и политическая элита заинтересованы в сохранении статус-кво, что обеспечивает их привилегированное положение в обществе.

В-четвертых, в этом контексте важно, что изменения в высшем эшелоне власти Северной Кореи совпали с усилением нажима на Пхеньян со стороны Пекина. После неудачного запуска Пхеньяном баллистической ракеты Пекин по всем официальным и неофициальным каналам инициировал политико-психологическое давление на северокорейское руководство с требованием прекратить «ракетно-ядерные игры» и начать реальные рыночные реформы и политику большей открытости. В начале июля 2012 г., за неделю до Пленума ЦК ТПК, Пекин впервые опубликовал данные о размерах помощи Северной Корее с начала китайских реформ в шокирующем объеме – в 120 млрд. долл.

Вопрос не в том, насколько эти цифры соответствуют реальности, а в том, что китайское руководство негласно комментировало эту цифру в том духе, что если Пхеньян не начнет реальные реформы, то помощь будет остановлена. Одновременно Пхеньяну было сказано, что если он откажется от ракетно-ядерного шантажа, то помощь увеличится, включая развитие инфраструктуры Северной Кореи, приглашение на работу на северо-восток Китая 120 тыс. северокорейских рабочих, увеличение поставок энергоносителей и т.п.

После третьего ядерного испытания Пекин ужесточил подход к Пхеньяну, что выразилось в усилении мер охраны китайско-северокорейской границы, сокращении поставок продовольствия, нарастающей антисеверокорейской риторике нового китайского руководства.

Негативные преобразования в экономике (накопление теневого капитала и коррупция) и политике (постепенная разбалансировка режима в результате внутренней борьбы за власть при слабом лидере) являются сегодня основным трендом динамики северокорейского режима.

Вероятность сохранения этого тренда в кратко- и среднесрочной перспективе – максимальна. Вероятность позитивных преобразований – практически отсутствует. Власти сами по себе не заинтересованы в реформах. Протестного движения снизу нет, и даже в случае выступлений против властей у потенциальной оппозиции нет ни лидеров, ни лозунгов, ни идей.

Вероятность позитивных преобразований в экономике связана с вовлечением Северной Кореи в широкие торговые, финансовые, культурные связи с зарубежными странами, развивающимися на рыночных принципах. Воздействие на северокорейское общество (а не только на правящую элиту) из-за рубежа представляется единственным вариантом повысить вероятность позитивных преобразований в Северной Корее.

Опыт позитивных экономических трансформаций в Китае говорит о том, что рост рыночной экономики и легального капитала рано или поздно приводит к постановке вопроса о политических реформах. Власти, чтобы сохранить политическую стабильность и, следовательно, собственные правящие позиции, должны идти на позитивные политические трансформации в демократическом направлении.

Таким образом, недавняя история продемонстрировала два варианта смены коммунистического режима:

- через политический коллапс – в случае отказа от позитивных экономических трансформаций;
- через политические преобразования – в случае проведения позитивных экономических трансформаций.

Применительно к Северной Корее при отсутствии позитивных экономических трансформаций вероятность коллапса политического режима практически безальтернативна.

Ответ на вопрос, когда это случится, зависит от того, когда именно в стране обострятся противоречия между соперничающими кланами – что и может сыграть роль «спускового крючка».

Выход из коллапса политической системы может осуществляться и по варианту, когда политическое руководство полностью утратит контроль над управлением страной. Северная Корея превратится в криминально-бандитскую зону. Это может привести к распаду страны на две части – центральную и северо-восточную, имеющую слабое автомобильное и железнодорожное сообщение с центром.

В этом случае остро встанет вопрос о международном контроле над Северной Кореей. В таком варианте не исключен ввод миротворческих сил под мандатом ООН, в том числе с привлечением китайских контингентов. Главное значение будет иметь обеспечение сохранности ядерного оружия и делящихся материалов и их последующая ликвидация, чтобы они не попали в руки террористов или других безответственных режимов. Подготовка такого рода оперативных мероприятий, пусть в сугубо конфиденциальном формате, уже сейчас должна быть ключевым аспектом консультаций трех великих ядерных держав.

2. ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА КНДР: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В.Е. Новиков

Оценка нынешнего состояния ядерной программы КНДР представляет значительные трудности, поскольку в открытом доступе в нужном объеме отсутствуют объективные данные, относящиеся не только к различным техническим аспектам программы, но и к ядерной политике Пхеньяна в целом. Поэтому данный анализ носит главным образом оценочный характер, позволяющий более или менее адекватно определить ядерные возможности Северной Кореи.

Ядерная программа: первые шаги. Ядерная программа КНДР начала осуществляться во второй половине 1950-х годов при активной помощи со стороны СССР и КНР. Уже в начале следующего десятилетия в стране действовали несколько научно-исследовательских центров, проводящих НИОКР в области ядерной энергии.

Советская и китайская помощь позволила Северной Кореи быстрыми темпами осуществлять строительство объектов ядерной инфраструктуры, подготовку специалистов-ядерщиков. При этом следует отметить, что в рамках научно-технического сотрудничества Москвы и Пхеньяна последнему не передавали технологии, имеющие непосредственное отношение к созданию ядерного оружия. В то же время северокорейские специалисты участвовали в проведении советских научных исследований мирового характера.

В частности, только в Объединенном институте ядерных исследований в Дубне в различных проектах принимали участие около 250 специалистов из КНДР, 80% из которых занимались проведением экспериментов. Причем уровень их квалификации не

вызывал сомнений у российских специалистов¹. Это позволяет сделать предположение, что северокорейское руководство заблаговременно ориентировалось на приобретение их учеными и инженерами практических навыков проведения НИОКР в ядерной области как мирного, так и военного характера.

Значительная часть специалистов различных профилей обучались также в Японии, ФРГ, ГДР и КНР. Такая деятельность позволила Северной Корее подготовить в достаточном количестве квалифицированные научно-технические кадры, добиться самообеспеченности в этом компоненте ядерных возможностей страны, что позволило ей в дальнейшем претендовать на статус ядерной державы.

Большинство экспертов не сомневаются в том, что в настоящее время Северная Корея практически овладела технологиями, относящимися ко всем звеньям ядерного топливного цикла и можно только спорить о продвинутости этих технологий, в первую очередь, в области создания ядерных зарядов.

Ядерный потенциал и производственные возможности. У КНДР имеются промышленные запасы урана, оцениваемые в 15 тыс. т, что вполне достаточно как для развития собственной ядерной энергетики, так и для создания военного ядерного арсенала². Добыча урана осуществляется на шахтах в Пакчхоне и Пхёсане. Из него производят урановый концентрат (U₃O₈), двуокись урана (UO₂) и осуществляют его конверсию в тетра- и гексафторид урана – исходное сырье для процесса обогащения урана.

Необходимо отметить, что северокорейские специалисты давно овладели технологией создания уран-графитовых реакторов, первый из которых мощностью 5 МВт был пущен в Йонбене в 1986 г. Он способен нарабатывать около 6 кг плутония ежегодно³. Имелись планы по строительству еще двух энергетических реакторов этого типа в Йонбене (50 МВт) и в Тайчоне (200 МВт),

¹ The North Korean Nuclear Program. Security, Strategy, and New Perspectives from Russia. Ed. by James Clay Moltz and Alexandre Y. Mansourov. Routledge, New York and London, 2000. P. 29.

² Новиков В. Проблема нераспространения ядерного оружия на современном этапе. Российский институт стратегических исследований. М., 2007. С. 272.

³ Nikitin Mary Beth. North Korea's Nuclear Weapon: Technical Issues. Wash., CRS CRS Report RL34256. April 3, 2013. P. 1.

однако строительство первого из них остановлено более чем 20 лет назад, а второго – фактически и не начиналось.

С точки зрения анализа военной направленности ядерной программы КНДР, наибольший интерес представляет ядерный центр в Йонбене. Имеющийся здесь уран-графитовый реактор (5 МВт) являлся единственным источником наработки плутония, использованного в первых двух ядерных взрывных устройствах, испытанных Северной Кореей. Кроме того, здесь расположена радиохимическая лаборатория, применяющая так называемый PUREX процесс, позволяющий выделять из отработавшего ядерного топлива плутоний-239, который использовался в ядерных взрывных устройствах. (Аналогичный процесс для выделения плутония применяется и в США.) По утверждению представителей неофициальной американской делегации, посетивший Йонбен в январе 2004 г., «этот объект выглядел хорошо отремонтированным», что позволяет допустить возможность его функционирования в штатном режиме, тем самым обеспечивая быструю регенерацию значительного количества отработавшего ядерного топлива (двойная загрузка реактора в Йонбене)⁴.

До середины минувшего десятилетия существовали сомнения в возможности Северной Кореи производить оружейный плутоний в металлической форме. Однако демонстрация бывшему директору Лос-Аламосской национальной лаборатории д-ру С. Хекеру «образца» – плутония в металлической форме (январь 2004 г.) и проведенные в 2006 и 2009 гг. испытания подтвердили возможность КНДР изготавливать плутониевые компоненты ядерного заряда.

Следующим источником наработки плутония может стать строящийся в Йонбене экспериментальный легководный энергетический реактор тепловой мощностью 100 МВт⁵. Хотя он уступает по эффективности уран-графитовым реакторам, при определенном режиме работы в нем будет нарабатываться значимое количество плутония-239. Есть существенные технические сложности использования отработавшего ядерного топлива такого типа реактора для производства оружейного плутония. До настоящего времени только США изготовили и испытали в

⁴ Hecker Siegfried. Testimony before Senate Foreign Relations Committee. January 21, 2004.

⁵ Nikitin Mary Beth. Op. cit. P. 2.

середине 1960-х годов ядерный заряд на основе реакторного плутония. При этом следует отметить, что в качестве исходного материала использовалось отработанное топливо английского реактора, которое по своему изотопному составу существенно легче перерабатывать для получения оружейного плутония. И даже в этом случае американские специалисты столкнулись с серьезными трудностями, несмотря на то что к тому времени у них имелся 20-летний практический опыт создания ядерных боезарядов. И все же нельзя полностью исключить возможность реализации сценария использования легководного энергетического реактора в качестве наработчика плутония.

Наибольшие расхождения вызывает оценка количества имеющегося в Северной Корее плутония-239 оружейного качества, что связано с отсутствием достоверных данных об эксплуатации реактора в Йонбене в те периоды, когда на него не распространялись гарантии МАГАТЭ. Важно также и то обстоятельство, что наработанный плутоний должен быть не только выделен из тепловыделяющих элементов, но и конверсирован в металлическую форму.

Возникает вопрос о характере третьего ядерного испытания, которое было осуществлено 12 февраля 2013 г. Некоторые эксперты высказали предположение, что в этот раз, возможно, Пхеньян осуществил испытание ядерного заряда на основе оружейного урана.

Перспективы ядерной программы. Как представляется, вероятность проведения третьего испытания ядерного взрывного устройства на основе урана (по сравнению с плутониевым зарядом) существенно ниже. Если бы использовался оружейный уран, то существовала бы вероятность неудачного испытания. В нынешних политических условиях новый северокорейский лидер вряд ли мог пойти на такой риск. В пользу плутониевого заряда говорит и тот факт, что испытание прошло успешно, хотя оценки мощности заряда существенно различаются. Это связано с тем обстоятельством, что уровень зафиксированного сигнала зависит от месторасположения сейсмической станции, в частности, американские специалисты оценивают мощность взрыва в 6–7 кт в

тротиловом эквиваленте⁶, а представители МО РФ называют большие значения. Тем не менее можно констатировать, что налицо поступательный рост мощности испытанных северокорейских зарядов.

Кроме того, Пхеньян заявил о своем намерении продолжить испытания ядерных зарядов с целью их миниатюризации и оптимизации массогабаритных характеристик с целью последующей установки в головную часть имеющихся баллистических ракет. С этой точки зрения, плутониевые боезаряды предпочтительнее.

Неясен вопрос об источнике оружейного плутония для этих зарядов. Как отмечалось выше, запасы наработанного КНДР плутония весьма ограничены, а единственный реактор-наработчик в Йонбене не действует и не может быть введен в эксплуатацию по причине физического износа. Он был остановлен в июле 2007 г., а охладительная башня (градирня) была демонтирована в июне 2008 г., и пока нет убедительных подтверждений, что там же осуществляется строительство новой.

Кроме того, реактор был построен почти четверть века тому назад, морально и физически устарел, а последние несколько лет находился в нерабочем состоянии, и даже делались официальные заявления о его подготовке к демонтажу. Исходя из этого, обеспечение ядерной безопасности реактора при его физическом пуске и штатной работе вызывает большие опасения.

Как представляется, единственным потенциальным источником оружейных ядерных материалов для заявленного Пхеньяном перспективного ядерного арсенала может быть уранообогащительный завод в Йонбене. История его создания весьма поучительна. С конца 1990-х годов эксперты, в первую очередь американские, заявляли о наличии в Северной Корее программы технологии обогащения урана. Много говорилось об исследованиях по различным направлениям, включая лазерное обогащение. Однако в начале прошлого десятилетия, после выявления деятельности созданной «отцом» пакистанской ядерной бомбы А. Хана тайной сети, которая осуществляла нелегальную передачу чувствительной технологии, материалов, компонентов и

⁶ Medalia Jonathan. Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty: Background and Current Development. CRS report RL33548. June 10, 2013. P. 18.

даже действующих образцов центрифуг, стало известно, что Пхеньяну были переданы около «двух дюжин» центрифуг⁷.

Сразу встал вопрос о возможности КНДР скопировать и/или модифицировать полученные образцы и развернуть их самостоятельное производство в значимых количествах. На протяжении второй половины прошедшего десятилетия большинство экспертов сомневались в способности Пхеньяна развернуть массовое производство центрифуг. Однако, как это уже случалось раньше, КНДР преподнесла неприятный сюрприз.

В ноябре 2010 г. в ходе визита неофициальной американской делегации в Йонбен д-ру Хекеру продемонстрировали завод в Йонбене, на котором (по его оценкам) находилось 2000 центрифуг, вероятнее всего типа Р-2⁸. Они были объединены в шесть каскадов, а их задача могла заключаться в обеспечении ядерным топливом со степенью обогащения в 3,5% экспериментального легководного энергетического реактора электрической мощностью в 5–30 МВт, заявленного Пхеньяном как «находящегося в стадии строительства» в ядерном центре в Йонбене.

По оценкам экспертов, производительность продемонстрированного американской делегации уранообогатительного завода полностью соответствует мощности строящегося реактора. Одновременно этот завод может ежегодно производить до 40 кг урана со степенью обогащения в 90%, если будет принято решение о наработке оружейного урана⁹.

Американская делегация была неприятно удивлена как размером, так и технологической продвинутостью установленного оборудования. Вполне закономерно возник вопрос об источниках получения Северной Кореей весьма специфических материалов и компонентов, необходимых для создания подобного завода. В частности, д-р Хекер предположил, что в качестве материала для ротора центрифуг использовалась специальная сталь мартенситного класса, производство которой является весьма непростой задачей, а в конструкции применялись высокопрочные алюминиевые сплавы.

⁷ Musharraf Pervez. In the Line of Fire: A Memoir. New York. Free Press. September 27, 2006. P. 296.

⁸ Nikitin Mary Beth. Op. cit. P. 7.

⁹ Ibid. P. 8.

Примечательно, что вскоре в СМИ появилась информация, согласно которой северокорейские представители заявили, что 150 т высокопрочных труб из алюминиевых сплавов были ранее импортированы из России и в 2002–2003 гг. использовались в уранообогащительной программе КНДР¹⁰.

Даже если эта информация соответствует действительности, неизвестными остаются источники появления в Северной Корее высокоточного оборудования для контроля скорости вращения центрифуг, специальных смазочных материалов, высокооборотных подшипников и ряда других компонентов.

До настоящего времени отсутствует информация относительно того, осуществлялась и осуществляется ли на этом заводе деятельность по обогащению урана, однако, по всей вероятности, обогащение урана может быть запущено, в том числе и для военных целей.

Если рассматривать имеющееся уранообогащительное производство как источник получения оружейного урана для создаваемого ядерного арсенала КНДР, то достаточно обоснованным представляется предположение о наличии в Северной Корее еще одного объекта по обогащению урана. По крайней мере, до строительства промышленного завода Пхеньяна должен был осуществиться хотя бы пилотный проект. Однако данные об этом проекте отсутствуют. Учитывая северокорейскую практику секретного строительства подземных объектов, можно предположить, что второй уранообогащительный завод или уже существует, или его строительство осуществляется.

В пользу такого предположения говорит тот факт, что руководство КНДР открыто заявило о намерении создать «ядерный арсенал сдерживания», но это невозможно без наличия достаточного количества оружейного ядерного материала. Необходимо также учитывать изменения, официально внесенные в Конституцию страны весной прошлого года, которые определяют КНДР как ядерную державу со всеми вытекающими из этого последствиями.

Значительный интерес вызывает вопрос о программе ядерных испытаний. Как известно, для принятия на вооружение

¹⁰ NK Admits to Buying Aluminum Tubes From Russia for Uranium Enrichment // KBS World News. September 27, 2007.

того или иного образца ядерного заряда, США проводили от трех до семи испытаний. Если основу будущего ядерного арсенала Северной Кореи составят заряды на основе урана, то Пхеньяну придется осуществить серию соответствующих ядерных испытаний. Поэтому можно предположить, что ядерные испытания продолжатся, если международному сообществу не удастся найти дипломатическое решение не только проблемы ядерной программы КНДР, но и задачи снижения напряженности на Корейском полуострове и в регионе в целом.

3. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РАКЕТНО-ЯДЕРНОГО ПОТЕНЦИАЛА КНДР

В.И. Есин

12 февраля 2013 г. КНДР провела третье в своей истории ядерное испытание¹¹. Центральное телеграфное агентство Кореи (ЦТАК), сообщая об успешном проведении этого испытания, отдельно выделило то обстоятельство, что была подорвана «более легкая и компактная бомба»¹². Это сообщение подтверждает имевшиеся подозрения о том, что в КНДР ведутся опытно-конструкторские работы в интересах снижения массогабаритных характеристик ядерных боезарядов, конечной целью которых является создание компактного ядерного боеприпаса, которым можно было бы оснастить головную часть баллистической ракеты.

Проведенное ядерное испытание (по данным Минобороны России, его мощность составила от 10 до 20 кт)¹³, скорее всего, приблизило КНДР к созданию такого боеприпаса. Сейчас трудно оценить степень его готовности, но, судя по всему, КНДР продвинулась к тому, чтобы встать в один ряд со странами, которые ныне обладают баллистическими ракетами с ядерными боеголовками.

Следует учитывать и тот факт, что в апреле 2012 г. в Конституцию КНДР были внесены поправки, установившие ее ядерный статус, который рассматривается Пхеньяном в качестве главной гарантии обеспечения национальной безопасности¹⁴.

¹¹ Первое ядерное испытание КНДР провела в октябре 2006 г., второе – в мае 2009 г. См.: Ежегодник СИПРИ 2011: вооружения, разоружение и международная безопасность (Пер. с англ.). М., ИМЭМО РАН, 2012. С. 383.

¹² Строкань Сергей, Чернышев Алексей. КНДР добилась потрясающего эффекта // Коммерсантъ. 13.02.2013.

¹³ ИТАР-ТАСС. 20.02.2013.

¹⁴ ПИР-ПРЕСС. 15.02.2013.

Эти два акта, предпринятые новым северокорейским лидером Ким Чен Ыном, как представляется, окончательно похоронили те слабые надежды, которые были у международного сообщества в отношении возможности достижения договоренности с КНДР о демонтаже ее оружейной ядерной программы. Возобновление в прежнем аспекте приостановленных в апреле 2009 г. шестисторонних переговоров по денуклеаризации Корейского полуострова утратило смысл¹⁵. Нужны новые подходы, адекватные сложившимся реалиям.

Становится все более очевидным, что при нынешнем политическом режиме в КНДР, ее отказ от обладания ядерным оружием почти полностью исключен. С учетом этой предпосылки следует подходить к оценке перспектив развития ракетно-ядерного потенциала КНДР.

Ядерный потенциал КНДР. Как отмечалось выше, ядерная программа КНДР начала реализовываться с середины прошлого столетия при активном содействии Советского Союза¹⁶. Определенную помощь в ее становлении оказала и КНР, главным образом в подготовке специалистов ядерного профиля.

К 1966 г. в Йонбене был создан атомный центр, в котором заработали исследовательский легководный реактор ИРТ-2000 советского производства, а также радиохимическая лаборатория¹⁷, бетатрон, кобальтовая гамма-установка и другое научно-техническое оборудование, поставленные Советским Союзом. По существу была создана полноценная научно-испытательная база для проведения научных изысканий в ядерной области.

¹⁵ Эти шестисторонние переговоры начались в августе 2003 г. по инициативе КНР и проходили в Пекине. Их участниками, наряду с КНР и КНДР, стали США, Россия, Япония и Республика Корея. См.: Ежегодник СИПРИ 2011. С. 419.

¹⁶ СССР и КНДР подписали в 1956 г. соглашение о сотрудничестве в обучении специалистов ядерного профиля, а в 1959 г. – Соглашение о сотрудничестве в области мирного использования ядерной энергии (http://www.iss-atom.ru/articl_iss/nuc_pr_kndr_12.pdf; последнее посещение – 2 марта 2013 г.).

¹⁷ Эта лаборатория позволяет не только проводить различные радиохимические исследования с расщепляющимися материалами, но и перерабатывать выгруженное из реакторов облученное ядерное топливо с извлечением из него плутония оружейного качества (Юдин Юрий. Технические аспекты ядерной программы КНДР // Ядерный Контроль, №1(79), Т. 12. Весна 2006. М., Пир-Центр. С. 131).

Появившиеся вскоре научные разработки северокорейских ученых-ядерщиков подтолкнули руководство КНДР к принятию политического решения о начале работ по созданию ядерного оружия. Как считают эксперты СВР России, такое решение было принято на рубеже 1970-х годов¹⁸. Однако в силу различного рода трудностей, главным образом экономического и научно-технического характера, Пхеньян к практической реализации принятого решения смог приступить только в начале 1980-х годов. Именно тогда северокорейская ядерная программа получила интенсивное развитие. При этом акцент был сделан на строительстве предприятий топливного цикла, ориентированного на работающие на природном уране¹⁹ газографитовые реакторы, конструкция которых позволяет эффективно нарабатывать плутоний оружейного качества.

Создав плутониевый топливный цикл, КНДР тайно приступила к реализации оружейной ядерной программы, нарушив взятые обязательства по Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), к которому она присоединилась 12 декабря 1985 г. Эта ядерная программа, базирующаяся на наработке оружейного плутония и создании на его основе ядерных боезарядов, была приостановлена в конце 1994 г. после заключения между КНДР и США так называемого Рамочного соглашения²⁰.

¹⁸ Новый вызов после «холодной войны»: распространение оружия массового уничтожения. СВР РФ. М., 1993 (<http://www.svr.gov.ru/material/2-1.html>, последнее посещение – 2.03.2013).

¹⁹ Запасы урана на территории КНДР оцениваются в 15–20 тыс. т. Имеется несколько шахт по добыче урановой руды и две уранообогащительные фабрики суммарной производственной мощностью около 150 т уранового концентрата в год (<http://www.pircenter.org/media/content/files/9/13508298760.pdf>, последнее посещение – 2.03.2013).

²⁰ Это соглашение было заключено в Женеве 21 октября 1994 г. Оно предусматривало в обмен на отказ КНДР от продолжения плутониевой ядерной программы предоставление ей экономической помощи и возведение в районе портового города Синпхо атомной электростанции с двумя легководными реакторами электрической мощностью 1000 МВт каждый (Ядерное нераспространение. Краткая энциклопедия. Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), ПИР-Центр. 2009. С. 57).

Но с середины 2002 г. это соглашение начало пробуксовывать по вине США²¹, что подтолкнуло Пхеньян к демаршу – 12 декабря 2002 г. ЦТАК сделало заявление о возобновлении КНДР своей ядерной программы, а 10 января 2003 г. было официально заявлено о выходе КНДР из ДНЯО и прекращении сотрудничества с МАГАТЭ²². Спустя месяц в Йонбенском атомном центре был повторно введен в эксплуатацию пятимегаваттный газографитовый реактор и возобновлено функционирование других промышленных объектов этого центра²³. В ответ США и их партнеры (Республика Корея, Япония и Европейский союз) прекратили оказание экономической помощи КНДР и строительство АЭС в Синпхо²⁴. Рамочное соглашение 1994 г. утратило силу.

Вновь запущенная северокорейская ядерная программа была остановлена в феврале 2007 г. В рамках шестисторонних переговоров, возобновленных после проведения КНДР первого ядерного испытания 9 октября 2006 г.²⁵, была достигнута договоренность о поэтапном выполнении мер по свертыванию плутониевой ядерной программы КНДР в обмен на энергетическую

²¹ Пришедшая в 2001 г. к власти в США республиканская администрация во главе с Дж. Бушем мл. значительно ужесточила политику США по отношению к КНДР, сделав акцент на угрозу применения превентивных акций и прекращение действия Рамочного соглашения (там же. С. 58).

²² КНДР вступила в МАГАТЭ в 1974 г. (http://www.iss-atom.ru/articl_iss/nuc_pr_kndr_12.pdf).

²³ Есин Виктор. Ядерное оружие КНДР: угроза или шантаж. Независимое военное обозрение. 25.02.2005.

²⁴ Для координации работ по возведению АЭС в Синпхо Соединенные Штаты совместно с Республикой Корея и Японией создали в 1995 г. Организацию по развитию энергетики на Корейском полуострове (КЕДО), к которой позднее подключился Евросоюз. Строительство АЭС началось в 1997 г. и велось с большим отставанием от графика. На момент прекращения ее строительства объем выполненных работ составлял 34%, но никаких комплектующих для возведения ядерных реакторов поставлено не было (http://www.iss-atom.ru/articl_iss/nuc_pr_kndr_12.pdf).

²⁵ В ответ на это ядерное испытание Совет Безопасности ООН принял 14 октября 2006 г. резолюцию 1718, наложив экономические санкции в отношении КНДР и ограничив доступ этой страны к некоторым видам обычных вооружений и материалам двойного назначения. В дальнейшем СБ ООН принял еще несколько санкционных резолюций в отношении КНДР, чтобы помешать развитию северокорейских ядерной и ракетной программ.

и экономическую помощь этой стране (ежегодно на сумму, эквивалентную стоимости 1 млн. т мазута)²⁶. Эксплуатация ключевых промышленных объектов Йонбенского атомного центра была прекращена в июне 2007 г., а работы по демонтажу их оборудования велись вплоть до конца 2008 г. Но затем из-за возникших разногласий по вопросу о проверке денуклеаризации КНДР работы были прекращены северокорейской стороной²⁷.

В апреле 2009 г. Пхеньян заявил, что КНДР более не будет участвовать в шестисторонних переговорах и не считает себя связанной какими-либо соглашениями, достигнутыми ранее в ходе переговоров²⁸. Вслед за этим заявлением начались работы в Йонбенском атомном центре по восстановлению деятельности промышленной установки по радиохимической переработке ОЯТ²⁹, а 25 мая 2009 г. КНДР провела второе ядерное испытание.

В конце 2010 г. стало известно, что КНДР осуществляет диверсификацию своей ядерной программы, осваивая технологию центрифужного обогащения урана³⁰.

Предпринятые в 2011–2012 гг. многочисленные попытки реанимировать шестисторонние переговоры в целях возобновления

²⁶ В соответствии с согласованным Планом действий были определены «одиннадцать шагов» для необратимого прекращения работы промышленных установок Йонбенского атомного центра, включая демонтаж оборудования и частичную ликвидацию сооружений пятимегаваттного газографитового реактора, завода по изготовлению ядерного топлива и радиохимического производства по выделению плутония из ОЯТ (http://www.iss-atom.ru/articl_iss/nuc_pr_kndr_12.pdf).

²⁷ К этому моменту были выполнены восемь из одиннадцати мероприятий Плана действий, включая разрушение градирни системы охлаждения пятимегаваттного газографитового реактора (там же).

²⁸ Ежегодник СИПРИ 2010: вооружения, разоружение и международная безопасность (Пер. с англ.). М., ИМЭМО РАН. 2011. С. 431.

²⁹ После восстановления деятельности этой установки были подвергнуты переработке 8 тыс. облученных твэлов, выгруженных в 2008 г. из остановленного пятимегаваттного газографитового реактора и находившихся в водоем-охладителе Йонбенского атомного центра (http://www.iss-atom.ru/articl_iss/nuc_pr_kndr_12.pdf).

³⁰ В ноябре 2010 г. в Йонбенском атомном центре Пхеньян продемонстрировал делегации американских ученых свои достижения в области создания легководного топливного цикла: находившийся на начальной стадии строительства реактор электрической мощностью 25–30 МВт и установку по изотопному обогащению урана, состоящую из примерно 2000 газовых центрифуг в шести каскадах (там же).

процесса денуклеаризации КНДР успехом не увенчались. И как уже отмечалось, в феврале 2013 г. КНДР провела третье ядерное испытание, а 11 марта 2013 г. военное командование КНДР пошло на беспрецедентный шаг, объявив, что утрачивает силу Соглашение о прекращении огня, подписанное после Корейской войны 1950–1953 гг.³¹

Все это свидетельствует о том, что КНДР будет и дальше наращивать свой ядерный потенциал.

Заслуживающие доверия общедоступные оценки³² показывают, что если из всего ОЯТ, извлеченного из пятимегаваттного газографитового реактора и исследовательского реактора ИРТ-2000, был выделен весь плутоний, то КНДР в своем распоряжении могла иметь от 40 до 62 кг плутония оружейного качества в металлической форме. С учетом проведенных трех ядерных испытаний³³, для производства ядерных боезарядов могло быть использовано 30–52 кг оружейного плутония. Исходя из этой предпосылки, КНДР на сегодня может иметь шесть-десять ядерных боеприпасов с плутониевыми зарядами имплозивного типа упрощенной конструкции в виде авиабомб. Для их доставки к цели могут использоваться фронтовые бомбардировщики «Хун-5» китайского производства³⁴. Данных, заслуживающих доверия, о наличии у КНДР ядерных головных частей для баллистических ракет не имеется.

³¹ Строкань Сергей. Кореи демонстрируют военную форму // Коммерсантъ. 1203.2013.

³²http://www.iss-atom.ru/articl_iss/nuc_pr_kndr_12.pdf; <http://www.armscontrol.org/act/NKPlutonium.asp>; http://www.nti.org/e_research/profiles/NK/Nuclear (последнее посещение – 2.03.2013).

³³ В представленной КНДР в июне 2008 г. участникам шестисторонних переговоров декларации по северокорейской ядерной программе утверждалось, что на изготовление экспериментального ядерного взрывного устройства (ЯВУ), подорванного в октябре 2006 г., было израсходовано 2,075 кг оружейного плутония (http://www.nti.org/d-newswire/issues/2008_10_24.html, последнее посещение – 2.03.2013). По оценке российского Института стратегической стабильности, для создания каждого ЯВУ, подорванных в мае 2009 г. и феврале 2013 г., предположительно было израсходовано до 4 кг оружейного плутония (http://www.iss-atom.ru/articl_iss/nuc_pr_kndr_12.pdf).

³⁴ Этот бомбардировщик является аналогом фронтового бомбардировщика «Ил-28» советского производства, который был сертифицирован как носитель ядерной авиабомбы массой до 3000 кг, размещаемой на внутренней подвеске.

Что касается перспектив, то развитие ядерного потенциала КНДР будет определяться возможностями ядерной инфраструктуры страны. Существующие в КНДР мощности по наработке и выделению плутония в настоящее время находятся в состоянии ограниченной работоспособности вследствие проведенных в 2007–2008 гг. работ по их демонтажу³⁵, а мощности для получения обогащенного урана находятся в начальной стадии освоения³⁶.

Следует ожидать, что в среднесрочной перспективе (три-пять лет) в Йонбенском атомном центре будет достроен легководный реактор мощностью 25–30 МВт и возобновятся работы по достройке пятидесятимегаваттного газографитового реактора, ввод в эксплуатацию которых позволит резко увеличить наработку плутония, а также будут увеличены мощности по газодиффузионному обогащению урана. Не следует игнорировать сделанное в мае 2010 г. ЦТАК заявление о том, что северокорейские ученые осуществили эксперименты в области термоядерного синтеза³⁷. Эти эксперименты, как представляется, могли проводиться в интересах создания для ядерных зарядов импульсивных нейтронных источников, что существенно увеличивает мощность ядерных зарядов и позволяет тем самым понизить их массогабаритные характеристики. Поэтому недалеко то время, когда КНДР приступит к созданию ядерных головных частей для оснащения ими баллистических ракет.

Ракетный потенциал КНДР. КНДР одной из первых среди стран Восточно-Азиатского региона развернула работы по овладению ракетными технологиями. В 1960-х годах КНДР закупила у Советского Союза неуправляемые тактические твердотопливные ракеты «Луна» и «Луна-М» (их западное

³⁵ По оценке, пятимегаваттный газографитовый реактор выработал эксплуатационный ресурс и его восстановление нецелесообразно (<http://www.pircenter.org/media/content/files/9/13508298760.pdf>).

³⁶ Имеющаяся у Йонбенском атомном центре шестикаскадная установка позволяет наработать до 2 т низкообогащенного урана в год, а в случае принятия соответствующего решения на данной установке можно ежегодно получать до 40 кг урана оружейного качества (http://www.iss-atom.ru/articl_iss/ uc_pr_kndr_12.pdf).

³⁷ Там же.

наименование «Фрог-5» и «Фрог-7»³⁸. В 1980 г. у Египта были приобретены три оперативно-тактических ракетных комплекса с жидкостной ракетой 8К14 («Скад-В», северокорейское наименование «Хвасон-5»)³⁹. Вскоре северокорейцы скопировали эту ракету и наладили собственное ее производство. В конце 1980-х годов с помощью китайских специалистов в КНДР была создана усовершенствованная модель ракеты «Скад-С» (северокорейское наименование «Хвасон-6»)⁴⁰.

К разработке баллистических ракет собственного производства КНДР приступила в 1988 г. Целью этой программы стало создание одноступенчатой жидкостной баллистической ракеты средней дальности (БРСД) «Нодон-1» с отделяемой головной частью. В реализации этой программы приняли участие Иран и Ливия, которые не только оказывали финансовую поддержку, но и через посредников закупали в странах Запада различные необходимые для северокорейцев материалы и технические изделия. На вооружение БРСД «Нодон-1»⁴¹ была принята в конце 1990-х годов.

В 2007–2008 гг. в КНДР принимается на вооружение мобильный ракетный комплекс КН-02 с оперативно-тактической ракетой (ОТР), прототипом которой была одноступенчатая твердотопливная ракета «Точка» советского производства⁴².

Все ракеты, состоящие на вооружении северокорейских ракетных подразделений, в настоящее время оснащены головными

³⁸ Эти ракеты размещаются на мобильных пусковых установках, их стартовая масса составляет 2,3 т, оснащаются неотделяемой головной частью массой 450 кг и обладают дальностью стрельбы до 65 км (Есин Виктор. Указ. соч.).

³⁹ Эта ракета размещается на мобильной пусковой установке, ее стартовая масса составляет 6,4 т, оснащается неотделяемой головной частью массой 1000 кг и обладает дальностью стрельбы до 300 км (там же).

⁴⁰ Эта ракета обладает увеличенной дальностью стрельбы с 300 до 550 км, достигнутой за счет удлинения топливных баков и уменьшения массы головной части с 1000 до 700 кг (там же).

⁴¹ Эта ракета размещается на мобильной пусковой установке, ее стартовая масса составляет 16 т, оснащается отделяемой головной частью массой 1000 кг и обладает дальностью стрельбы до 1000 км. При уменьшении массы головной части до 700 кг, дальность стрельбы этой ракеты может достигать 1300 км (там же).

⁴² Ракета «Точка» была передана КНДР Сирией предположительно в середине 1990-х годов (<http://www.pircenter.org.media>).

частями в обычном снаряжении двух типов: осколочно-фугасные и кассетные. Потенциально БРСД «Нодон-1» может стать носителем ядерной головной части.

Согласно приближенной оценке на конец 2012 г. сухопутные войска КНА⁴³ имели в своем составе три отдельных дивизиона БРСД «Нодон-1» (девять пусковых установок), один отдельный полк ОТР типа «Скад» (28 пусковых установок), три отдельных дивизиона с ракетным комплексом KN-02 (12 пусковых установок) и шесть отдельных дивизионов тактических ракет «Луна-М» (21 пусковая установка)⁴⁴.

Здесь следует отметить, что 10 октября 2010 г. на военном параде, прошедшем в Пхеньяне, были продемонстрированы два новых типа одноступенчатых баллистических ракет, транспортируемых на мобильных пусковых установках. Одна из них являлась аналогом иранской БРСД «Шехаб-3М» (другое наименование «Гард-1»)⁴⁵, а вторая по внешнему виду напоминала баллистическую ракету подводных лодок (БРПЛ) Р-27 советского производства. В США этим ракетам были даны наименования «Нодон-2010» и «Мусудан» соответственно.

Появление у КНДР ракеты «Нодон-2010» вполне объяснимо, поскольку иранская ракета «Шехаб-3М» разрабатывалась с непосредственным участием северокорейских специалистов⁴⁶. Что касается ракеты, которая именуется как «Мусудан», то США о наличии такой ракеты у КНДР заявляют с 2002 г., хотя и не считают ее принятой на вооружение, так как пусков этой ракеты не отмечено. По оценке российских экспертов, на параде 10 октября

⁴³ КНА – Корейская народная армия.

⁴⁴ http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/technical_reports/2012/RAND_TR1268.pdf.

⁴⁵ БРСД «Шехаб-3М» имеет стартовую массу около 17 т, оснащается отделяемой осколочно-фугасной или кассетной головной частью массой до 500 кг и обладает дальностью стрельбы до 1500–1600 км. При увеличении массы головной части до 1000 кг, дальность стрельбы этой ракеты не превышает 1100 км (Iran's Nuclear and Missile Potential (A Joint Threat Assessment by U.S. and Russian Technical Experts). East West Institute. May 2009. P. 7).

⁴⁶ БРСД «Шехаб-3М» была создана точно тем же путем, что и ОТР «Скад-С» – за счет удлинения топливных баков ее предшествующей модификации «Шехаб-3», которая является точной копией северокорейской ракеты «Нодон-1» (Ibidem).

2010 г. был продемонстрирован макет ракеты, аналогичной БРПЛ Р-27⁴⁷.

Перспективы развития ракетного потенциала КНДР связаны с разработкой двухступенчатых жидкостных баллистических ракет большой дальности типа «Тэпходон». Старт этой программе был дан в начале 1990-х годов.

Информация о разработке БРСД «Тэпходон-1» появилась в 1994 г. В конструкции этой ракеты в качестве первой ступени использовалась маршевая ступень ракеты «Нодон-1», а в качестве второй ступени – маршевая ступень ракеты «Скад-С». По оценке, стартовая масса БРСД «Тэпходон-1» составляла 22 т, длина – 25 м, максимальный диаметр – 1,3 м, дальность стрельбы – до 2300 км при массе головной части 1000 кг или 3000 км при массе головной части 500 кг⁴⁸. Первое и единственное летное испытание БРСД «Тэпходон-1» было проведено 31 августа 1998 г. под прикрытием вывода в космос северокорейского спутника связи «Кванменсон-1». С этой целью БРСД «Тэпходон-1» была переоборудована в космическую ракету-носитель с добавлением третьей ступени (в ее качестве использовалась маршевая ступень ракеты «Точка»). При пуске этой трехступенчатой ракеты первая и вторая ступени отработали штатно, третья ступень отделилась, но вскоре вместе со спутником упала в воды Тихого океана (на расстоянии 1600 км от места старта)⁴⁹.

После этого программа «Тэпходон-1» была закрыта. По-видимому, она носила в большей степени демонстративный характер.

Параллельно с разработкой БРСД «Тэпходон-1» велась программа «Тэпходон-2». Информация о технических характеристиках ракеты «Тэпходон-2» крайне ограничена. По неподтвержденным данным, ее стартовая масса составляет от 60 до 85 т (по оценке российских экспертов – 65 т), длина – 32 м, максимальный диаметр – 2,2 м. Оценочная дальность ее стрельбы 3500–6000 км в зависимости от массы головной части (по оценке

⁴⁷ Евсеев Владимир. Северокорейская ракетная «угроза» // Независимое военное обозрение. 08.02.2013.

⁴⁸ Есин Виктор. Указ. соч.

⁴⁹ Положительным моментом этого пуска явилась успешная отработка операции по разделению ступеней ракеты.

российских экспертов – от 3500 до 5000 км при массе головной части 1500 и 500 кг соответственно). Первое летное испытание ракеты «Тэпходон-2» состоялось 5 июля 2006 г. и завершилось неудачно⁵⁰. Тем не менее работы по программе «Тэпходон-2» были продолжены, несмотря на осуждение международным сообществом проведенного испытания ракеты большой дальности⁵¹.

5 апреля 2009 г. КНДР осуществила пуск трехступенчатой космической ракеты-носителя собственной разработки «Ынха-2» со спутником связи «Кванменсон-2». В ходе этого пуска также отработывались технологии ракеты «Тэпходон-2», в частности, ее наиболее критичный элемент – жидкостной ракетный двигатель первой маршевой ступени с тягой свыше 100 т (он представляет собой связку из четырех двигателей ракеты «Нодон-1»). ЦТАК объявило о выводе спутника на околоземную орбиту, но внешние источники этого не подтвердили⁵².

13 апреля 2012 г. КНДР провела пуск трехступенчатой космической ракеты-носителя «Ынха-3» с первой версией космического аппарата дистанционного зондирования земной поверхности «Кванменсон-3». При этом пуске, как и при предыдущем, отработывались технологии ракеты «Тэпходон-2», но пуск вновь оказался неудачным⁵³.

⁵⁰ Ракета «Тэпходон-2» взорвалась на 42 секунде полета (Евсеев Владимир. Указ. соч.).

⁵¹ Проведенное КНДР 5 июля 2006 г. ракетное испытание было расценено международным сообществом как отказ этой страны от принятого ею в 1999 г. одностороннего моратория на проведение полетных испытаний баллистических ракет большой дальности. Совет Безопасности ООН 15 июля 2006 г. единогласно одобрил резолюцию 1695, требующую, чтобы КНДР немедленно прекратила деятельность по созданию баллистических ракет большой дальности и вернулась к соблюдению моратория на проведение их полетных испытаний (см.: Ежегодник СИПРИ 2007: вооружения, разоружение и международная безопасность (Пер. с англ.). М., ИМЭМО РАН. 2008. С. 513).

⁵² Позднее выяснилось, что первые две ступени космической ракеты-носителя отработали штатно, но из-за аварийной ситуации при отделении или последующей работе третьей ступени вывод спутника на орбиту не состоялся. Элементы третьей ступени ракеты-носителя и спутник упали в воды Тихого океана на расстоянии свыше 3200 км от места старта (Евсеев Владимир. Указ. соч.).

⁵³ После старта через несколько минут полета ракета развалилась на части, которые упали в воды Желтого моря (Строкань Сергей, Черненко Елена. КНДР испытывает соседей и США // Коммерсантъ. 06.02.2013).

Очередной пуск космической ракеты-носителя «Ынха-3» со второй версией космического аппарата «Кванменсон-3» состоялся 12 декабря 2012 г. Он оказался успешным, но не полностью: космический аппарат был выведен на солнцесинхронную орбиту, но не смог стабилизировать свою ориентацию относительно поверхности Земли, что не позволило ему сделать снимки, как планировалось⁵⁴. К тому же космический аппарат не смог передать сигналы на приемные станции, размещенные на северокорейской территории.

Достигнутый 12 декабря 2012 г. успех, безусловно, продвинул вперед программу «Тэпходон-2». Следует ожидать, что вскоре возобновятся полномасштабные летные испытания этой ракеты. Существует потенциальная возможность того, что в среднесрочной перспективе у КНДР может появиться баллистическая ракета с дальностью стрельбы до 5000–5500 км (при массе головной части 500–600 кг).

Что касается разработки КНДР межконтинентальной баллистической ракеты (МБР), то в текущем десятилетии вряд ли это возможно. И проблема здесь не только в слабости северокорейской экономики, страдающей от международных санкций, которым подвергается КНДР в соответствии с принятыми СБ ООН резолюциями⁵⁵, но и в тех объективных трудностях технико-конструкторского и технологического характера, с которыми сталкиваются северокорейские разработчики баллистических ракет.

Проведенная Майклом Эллеманом, старшим научным сотрудником Международного института стратегических исследований–Ближний Восток (Бахрейн), реконструкция характеристик космической ракеты-носителя «Ынха-3» показала, что второй и третьей ступеням⁵⁶ этой ракеты не хватает тяговооруженности для того, чтобы доставить головную часть массой 1000 кг на межконтинентальную дальность. И даже если массу головной части уменьшить до 500 кг, то дальность стрельбы

⁵⁴ ИНТЕРФАКС. 14.12.2012.

⁵⁵ Последняя такая резолюция за № 2094 принята СБ ООН 7 марта 2013 г.

⁵⁶ Как утверждает М. Эллеман, в качестве второй ступени космической ракеты-носителя «Ынха-3» используется маршевая ступень ОТР «Скад-С», а в качестве третьей ступени – вторая ступень иранской космической ракеты-носителя «Сафир» (<http://www.iiss.org/middle-east/>, последнее посещение – 16.03.2013).

этой ракеты не превысит 5500 км. По оценке Эллемана, ракета-носитель «Ынха-3» в ее современной конфигурации не жизнеспособна в качестве МБР⁵⁷.

Однако сказанное выше вовсе не означает, что КНДР в принципе не способна разработать МБР. Следует иметь в виду, что КНДР в области ракетостроения тесно сотрудничает с Ираном. Объединив усилия, эти страны способны ускорить реализацию своих ракетных программ и на рубеже 2020 г. приступить к созданию МБР.

Вместе с тем МБР, сконструированные по принятой для космических ракет-носителей «Ынха-3» схеме, неизбежно обладали бы серьезным – с точки зрения их боевого применения – недостатком. Они были бы громоздкими и их пришлось бы запускать с наземных незащищенных стартовых позиций. При этом их подготовка к запуску занимала бы дни, а заправка топливом – часы. Все это предопределяло бы высокую уязвимость таких ракет. Поэтому для создания эффективных МБР потребуется разработка нового дизайна.

В апреле 2012 г. на военном параде в Пхеньяне был представлен макет мобильной ракеты большой дальности⁵⁸. Положение дел с разработкой этой ракеты неизвестно. Вполне возможно, что был проделан тот же трюк, что с ракетой, именуемой как «Мусудан». Но в то же время этот демонстративный показ свидетельствует о том, что северокорейские конструкторы баллистических ракет стремятся к тому, чтобы их перспективные разработки соответствовали тем современным тенденциям в ракетостроении, которых придерживаются Россия и КНР, обладающие мобильными МБР.

Сегодня КНДР оказалась в изоляции, она испытывает неуверенность по поводу своей безопасности и сохранения существующего политического режима. Чтобы выжить, военно-политическое руководство КНДР будет делать все возможное для развития ракетно-ядерного потенциала страны. Для этого создана соответствующая научная, производственная и материально-техническая база, имеются и квалифицированные кадры. КНДР ныне находится в сложном экономическом положении, но эта

⁵⁷ Там же

⁵⁸ Там же.

страна обладает огромным опытом, приобретенным за годы ее существования, в плане выживания в суровых условиях.

С учетом сказанного, международному сообществу следует принять как данность, что КНДР, так же, как Индия, Пакистан и Израиль, не откажется мирным путем от своего ракетно-ядерного потенциала. Представляется, что на современном этапе основные усилия должны быть направлены на то, чтобы стабилизировать ситуацию на Корейском полуострове и исключить развязывание здесь новой войны, которая с большой вероятностью приведет к применению ядерного и других видов оружия массового поражения.

4. ПРАВО ВЫХОДА ИЗ ДОГОВОРА: КОРЕЙСКИЙ ПРЕЦЕДЕНТ

А.Г. Арбатов

Опыт ядерной программы КНДР нагляднейшим образом продемонстрировал важнейшее слабое звено Договора о нераспространении ядерного оружия и всего режима нераспространения, основанного на этом Договоре. Эта «ахиллесова пята» заключена в его ст. X.1, которая гласит: «Каждый участник настоящего договора в порядке осуществления своего государственного суверенитета имеет право выйти из договора, если он решит, что связанные с содержанием настоящего договора исключительные обстоятельства поставили под угрозу высшие интересы его страны. О таком выходе должно содержаться заявление об исключительных обстоятельствах, которые он рассматривает как поставившие под угрозу его высшие интересы. О таком выходе он уведомляет за три месяца всех участников договора и Совет Безопасности Организации Объединенных Наций. В таком уведомлении должно содержаться заявление об исключительных обстоятельствах, которые он рассматривает как поставившие под угрозу его высшие интересы»⁵⁹.

После вступления Договора в силу в 1970 г. главной задачей укрепления режима нераспространения было всемерное расширение круга его государств-участников и повышение эффективности гарантий МАГАТЭ и системы экспортного контроля над поставками ядерных материалов и технологий. В 1990-е годы имело место массовое вступление новых стран в ДНЯО (42 государства), в результате чего Договор стал почти универсальным. Лишь четыре страны стоят ныне вне Договора (Израиль, Индия, Пакистан, КНДР), и все они уже имеют ядерное оружие.

⁵⁹ Ядерное нераспространение. Т. II. М., ПИР-Центр. 2002. С. 28.

Поэтому опасность дальнейшего распространения ЯО среди государств может возникнуть, во-первых, через тайную разработку ЯО в нарушение Договора или (и), во-вторых, через решение нынешних неядерных стран-членов выйти из него и открыто обрести ядерное оружие⁶⁰. Исходя из этого, тема выхода из ДНЯО приобрела первостепенную важность, а уроки Северной Кореи необходимо тщательно проанализировать и учесть в целях укрепления всего режима ядерного нераспространения.

Вышесказанное относится к государствам, как субъектам нераспространения. Но косвенно это относится и к экстремистским негосударственным организациям, т.е. к угрозе ядерного терроризма. Непосредственно для борьбы против этой угрозы нужны другие, специальные методы и средства. Но опосредованно состояние режима нераспространения среди государств будет и в этом случае иметь огромное значение. Ведь вероятность доступа террористов к ядерным взрывным устройствам или материалам будет экспоненциально возрастать с расширением круга стран – обладателей ЯО, особенно если ими правят авторитарные, идеологически радикальные режимы. Прецедент, созданный в этом плане КНДР, чрезвычайно симптоматичен и опасен. Именно он заставляет столь настороженно относиться к ядерной программе Ирана и на перспективу – к программам целого ряда других неядерных государств – членов ДНЯО.

Правда, КНДР и до открытого выхода из Договора, судя по всему, вела секретные работы в нарушение ДНЯО, равно как и Иран подозревается в прошлой и нынешней деятельности, противоречащей условиям гарантий МАГАТЭ⁶¹. Но даже безо всякого нарушения ДНЯО другие государства теоретически могут открыто и законно выйти из Договора с уведомлением за три месяца в соответствии со ст. X.1, загодя приобретя в рамках и при помощи Договора ядерные материалы, технологии и специалистов. Как показал опыт КНДР в начале 1990-х годов и в начале предыдущего

⁶⁰Также опасность может исходить от новых будущих государств, если они решатся на обретение ядерного оружия, но рассмотрение этой категории выходит за рамки настоящего исследования.

⁶¹ См.: Ядерное распространение в Северо-Восточной Азии. Под ред. А. Арбатова и В. Михеева. М., Московский Центр Карнеги. 2005; Угрозы нераспространению ядерного оружия на Ближнем и Среднем Востоке. Под ред. А. Арбатова и В. Наумкина. М., Московский Центр Карнеги. 2005.

десятилетия, подобный шаг не только не навлекает на страну санкции и другие меры воздействия, но может стать средством шантажа мирового сообщества и козырем для выторговывания экономических и политических уступок от других держав.

Наиболее опасными, с этой точки зрения, являются компоненты ядерного топливного цикла, в первую очередь технологии и мощности по обогащению природного урана (тем более, если месторождения такового имеются в данной стране) и по переработке отработанного ядерного топлива (ОЯТ) для извлечения из него плутония⁶². Создание перечисленных технических возможностей не запрещено самим Договором, если они созданы и функционируют под гарантиями МАГАТЭ. Наоборот, можно считать, что ДНЯО поощряет международные поставки таких технологий согласно ст. IV (о сотрудничестве в мирном использовании ядерной энергии), поскольку целый ряд стран (Япония, Нидерланды, ФРГ, Бразилия, Аргентина) получали эти технологии извне или самостоятельно развивают их в рамках ДНЯО.

КНДР, МАГАТЭ и ДНЯО. Как отмечалось выше (см. гл. 3, 4), Северная Корея создавала свою ядерную инфраструктуру с помощью СССР, а позднее и КНР⁶³. Следует отметить, что после запуска в эксплуатацию в 1966 г. поставленного в КНДР Советским Союзом небольшого исследовательского уранового реактора ИРТ-2000 мощностью 2 МВт по настоянию СССР он был поставлен под гарантии Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ). Первые подтверждения ядерных амбиций Пхеньяна ЦРУ получило в 1982 г. Именно тогда США поставили перед СССР вопрос о необходимости выработки совместных подходов к ядерным планам КНДР. Но советское руководство не разделило американской озабоченности и активизировало совместную деятельность с КНДР в области мирной атомной энергетики.

⁶² См.: Ядерное оружие после «холодной войны». Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2006. С. 137–362.

⁶³ Подробнее см. также: Булычев Г., Воронцов А. Северная Корея – опыт ядерного распространения / У ядерного порога: уроки ядерных кризисов Северной Кореи и Ирана для режима нераспространения. Гл. 1. Под ред. А. Арбатова М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2007. С. 14–33.

В апреле 1985 г. под давлением СССР и в расчете на получение дивидендов от международного сотрудничества и помощь Москвы в развитии ядерной программы Пхеньян вступил в ДНЯО. Результаты не заставили себя ждать - по технологии реакторов Magnox, информацию о которой северокорейцы получили через МАГАТЭ, в Йонбене ими был построен исследовательский реактор мощностью 5 МВт (смонтирован и запущен в эксплуатацию в 1986 г. после постановки под гарантии МАГАТЭ). В 1991г. был подписан контракт о поставке Советским Союзом в КНДР топливных сборок.

В 1989 г. США выразили подозрение, что КНДР произвела перезагрузку работающего в Йонбене ядерного реактора, затем переработала ядерное топливо и, скорее всего, получила до 12 кг оружейного плутония – количества, достаточного для изготовления двух ядерных взрывных устройств.

В январе 1992 г. под нажимом извне Пхеньян подписал с МАГАТЭ Соглашение о гарантиях, которое вошло в силу 10 апреля 1992 г. Первые инспекции начались в мае 1992 г., после того, как США заявили о выводе своего тактического ЯО с территории Южной Кореи⁶⁴.

С 1992 по 1993 г. было проведено шесть инспекций, вызвавших у представителей Агентства определенные сомнения и дополнительные вопросы. С целью получения ответов на них впервые за всю историю МАГАТЭ 11 февраля 1993 г. генеральный директор Агентства Х. Бликс потребовал проведения «специальной инспекции». Спустя 10 дней КНДР отказалась разрешить осуществление этой инспекции, а вскоре после этого было объявлено о решении страны выйти из ДНЯО. Только после раунда переговоров с США в июне 1993 г. КНДР приостановила свой выход из Договора (за один день до истечения трехмесячного срока), но заявила, что не считает себя полноправным членом МАГАТЭ и на этом основании не признает его право осуществлять даже обычные инспекции. В итоге в декабре 1993 г. Бликс был вынужден заявить, что Агентство более не может быть уверено в

⁶⁴ Korea and US Nuclear Weapons, FAS Nuclear Information Project. Documenting nuclear policy and operations, September 28, 2005 (www.nukestart.com.)

том, что имеющиеся у КНДР ядерные материалы не используются для создания ядерного оружия⁶⁵.

С 1993 г. Указом Президента России все сотрудничество с КНДР в ядерной области, в том числе научное, было прекращено⁶⁶.

Параллельно в тот период набирал обороты процесс подготовки США к проведению военной акции против Северной Кореи. Опасное развитие ситуации сумел остановить визит Дж. Картера в Пхеньян в июне 1994 г. и его встреча с Ким Ир Сенгом. Это событие стало переломным моментом, переведшим кризис в переговорную плоскость и обеспечившим его дипломатическое разрешение. В октябре 1994 г. было заключено Рамочное соглашение (РС), которое остановило плутониевую программу и поставило под гарантии МАГАТЭ реакторов и объектов сепарации плутония. Агентству разрешили установить видеокамеры и опломбировать оборудование⁶⁷.

Второй ядерный кризис имел место в октябре 2002 г. В ходе визита в КНДР заместитель государственного секретаря США Дж. Келли обвинил Пхеньян в наличии параллельной секретной программы производства высокообогащенного урана. 14 ноября 2002 г. была прекращена компенсационная поставка нефтепродуктов в КНДР в рамках РС. В декабре МИД КНДР заявил о немедленном возобновлении работы и строительства ядерных объектов по производству электричества; были сняты пломбы и видеокамеры, с помощью которых МАГАТЭ контролировало «замораживание» ядерных объектов, инспектора Агентства были высланы из страны.

В январе 2003 г. КНДР вышла из ДНЯО. Последовавшие раунды шестисторонних переговоров (США–РФ–КНР–Япония–КНДР–РК) в Пекине с целью денуклеаризации Корейского полуострова не увенчались успехом. 9 октября 2006 г. было

⁶⁵ Sanger David. U.N. Agency Finds No Assurance North Korea Bans Nuclear Arms // New York Times. 03.12.1993; Sigal Leon. Disarming Strangers: Nuclear Diplomacy with North Korea. Princeton University Press. Princeton, N.J. 1998.

⁶⁶ Булычев Г., Воронцов А., Новиков В. В чем суть выбора в «корейском вопросе»? Пути преодоления кризиса на Корейском полуострове // Ядерное распространение. Вып. 47. Апрель-июнь 2003. М., Московский Центр Карнеги. С. 8.

⁶⁷ Solving the North Korean Nuclear Puzzle. Ed by Albright David and O'Neill Kevin. Wash., D.C., Institute for Science and International Security. 2000. P. 39.

проведено первое подземное ядерное испытание КНДР. В ответ на это 14 октября СБ ООН единогласно принял резолюцию 1718, осуждающую ядерное испытание и вводящую санкции против КНДР.

История ядерной программы КНДР наводит на следующие размышления применительно к праву на выход из Договора о нераспространении.

Право на выход. Право выхода из ДНЯО, как и из любого другого договора в сфере разоружения, является неотъемлемым элементом государственного суверенитета любой страны – участника данного соглашения. Любые попытки ограничить такое право, вроде предложений СССР в середине 80-х годов о заключении соглашения с США не пользоваться правом выхода из Договора по ПРО в течение определенного времени, юридически абсурдны и политически неприемлемы. Предложения того времени свидетельствуют лишь о невысокой юридической культуре их авторов. Ведь в договорах такого рода речь идет об «угрозе высшим интересам», как об обоснованном мотиве выхода, и потому нелепо требовать от государств не использовать это право при возникновении угрозы столь крупного масштаба.

Более того, попытки заблокировать право выхода вопреки положениям ДНЯО, возможно, повлекли бы прямо противоположный результат – его развал. Ибо 188 неядерных стран-членов присоединились к Договору с учетом всей совокупности его положений, включая ст. X.1 о праве выхода, и попытки переиграть задним числом одно из важнейших положений угрожают «рассыпать» весь пакет его статей.

Вместе с тем выход из ДНЯО не может рассматриваться как тривиальный, рутинный и совершенно произвольный акт. Выход должен быть обусловлен, согласно формулировке ст. X.1, наличием серьезных мотивов и предполагает определенные процедуры. Самое важное, что из самой юридической логики содержания Договора вытекают несколько важных предпосылок⁶⁸.

⁶⁸ Некоторые из этих принципов рассмотрены в статье двух из самых авторитетных специалистов мира в данной области Дж. Банна и Р. Темирбаева. См.: Банн Дж., Темирбаев Р. Право выхода из ДНЯО – мнение двух участников переговоров по выработке Договора // Ядерный Контроль. ПИР-Центр. 2005. № 3.

Во-первых, недопустимо, чтобы государство могло получить благодаря Договору блага международного сотрудничества в «мирном атоме», а затем выйти из ДНЯО и воспользоваться этими благами в военных целях.

Во-вторых, неприемлем выход из Договора с целью сокрытия нарушений ДНЯО государством в его бытность членом Договора.

В-третьих, мотивация выхода из Договора ни в коем случае не должна считаться формальностью, она должна полностью соответствовать его букве и быть критерием оценки истинных причин выхода государства из ДНЯО, а также служить выбору адекватных ответных мер мирового сообщества.

В-четвертых, рассмотрение соответствия мотивов выхода положению ст. X.1 должно осуществляться остальными государствами – членами ДНЯО и Советом Безопасности ООН, а не заявившей о выходе страной или какой-то одной или несколькими другими державами по собственному почину. Иначе не имело бы смысла положение этой статьи, гласящее, что «...о таком выходе он (участник ДНЯО – *А. Арбатов*) уведомляет за три месяца всех участников договора и Совет Безопасности Организации Объединенных Наций. В таком уведомлении должно содержаться заявление об исключительных обстоятельствах, которые он рассматривает как поставившие под угрозу его высшие интересы»⁶⁹.

В-пятых, установление факта нарушения Договора относится исключительно к прерогативе МАГАТЭ, а не той или иной державы. Это относится и к дополнительной проверке возможных прежних нарушений ДНЯО в случае заявления государства о предполагаемом выходе из Договора.

И, в-шестых, признание обоснованности мотивов выхода из ДНЯО и решение о принятии санкций или военной силы (в связи с необоснованностью выхода или при обнаружении со стороны МАГАТЭ прошлых тайных нарушений Договора) относится исключительно к компетенции Совета Безопасности ООН. Недаром государства – члены СБ ООН постановили в 1992 г., что распространение ОМУ представляет собой «угрозу международному миру и безопасности по смыслу Устава ООН»⁷⁰.

⁶⁹ Ядерное нераспространение. С. 28.

⁷⁰ Цит. по.: Банн Дж., Темирбаев Р. Указ. соч. С. 41.

Это значит, что ответные меры СБ ООН могут опираться на ст. 41 и 42 Устава ООН (о санкциях, блокаде и применении военной силы).

История программы Северной Кореи демонстрирует нарушение практически всех из приведенных принципиальных соображений. Это, несомненно, является одной из важнейших причин столь затяжных, опасных и пока что беспросветных кризисов международной безопасности вокруг корейской проблемы.

Мотивация выхода и срок уведомления. Как известно, КНДР присоединилась к ДНЯО в 1985 г. по настоятельной рекомендации СССР с целью открыть путь для сотрудничества двух стран в мирном использовании ядерной энергии, согласно ст. IV ДНЯО. Однако соглашение о гарантиях с МАГАТЭ, которое полагается заключить в течение 18 месяцев, было подписано Пхеньяном только через пять лет – в 1992 г. После заключения соглашения с МАГАТЭ уже в ходе первых инспекций были выявлены серьезные расхождения между представленной Пхеньяном информацией и обнаруженными Агентством фактами. Инспектора МАГАТЭ получили полномочия на проведение специальной инспекции за пределами декларированных Северной Кореей объектов (на хранилищах радиоактивных отходов от реактора в Йонбене) для разрешения возникших противоречий, в чем им было отказано Пхеньяном. После этого, в 1993 г. КНДР заявила о решении выйти из Договора. В обоснование своего решения Пхеньян привел два довода: проведение военных учений «Тим Спирит» Соединенными Штатами и Южной Кореей и «отсутствие беспристрастности» инспекторов Агентства, запросивших право на специальную инспекцию⁷¹.

Представленные мотивы выхода никак не соответствовали положениям ст. X.1, поскольку ни военные учения (проводившиеся регулярно и раньше), ни «пристрастность» инспекторов МАГАТЭ не могли быть расценены как «исключительные обстоятельства», создавшие «угрозу высшим интересам» – а только это и может быть основанием для выхода из ДНЯО.

⁷¹ Cirincione J., Wolfsthal J.B., Rajkumar M. Deadly Arsenals: Tracking Weapons of Mass Destruction. Wash., Carnegie Endowment for International Peace. 2002. P. 241–254.

Следовательно, денонсация Договора нужна была КНДР для сокрытия прошлых его нарушений уже в бытность членом ДНЯО, что являлось недопустимым и должно было повлечь соответствующие действия СБ ООН. Однако этот высший международный институт бездействовал, хотя начало 1990-х годов было отмечено небывалым единством большинства его членов, наступившим после окончания холодной войны. И все же Китай был готов наложить вето на предлагавшееся Соединенными Штатами решение о санкциях. Поэтому Совет Безопасности всего лишь принял обращение к КНДР с призывом разрешить специальную инспекцию, на что Пхеньян ответил отказом.

Вместо СБ ООН обсуждение возможных санкций, включая и военные меры, перешло в демократическую администрацию Белого дома в Вашингтоне. В итоге, никакие меры приняты не были, поскольку в ходе визита в КНДР бывший президент США Дж. Картер договорился с главой КНДР Ким Ир Сенем об отмене решения о выходе из ДНЯО. Пхеньян отозвал свое заявление о выходе за один день до истечения трехмесячного срока уведомления, обозначенного ст. X.1. Ядерные объекты КНДР были поставлены под контроль МАГАТЭ, деятельность на них была «заморожена».

Однако в атмосфере наступившей эйфории расследование предполагаемых нарушений ДНЯО в 1985–1992 гг. проведено не было. Необоснованность мотивировки выхода из Договора от 1993 г. не имела юридических или политических последствий. Из бездействия СБ ООН надлежащих выводов также сделано не было. Все это оказалось принесено в жертву политическому прагматизму и конъюнктурным соображениям, включая и те, которые считались на Западе выигрышем – вытеснение России из сферы ядерного сотрудничества и политического влияния на КНДР, которые традиционно были у Советского Союза. Впоследствии это самым негативным образом сказалось на развитии ситуации вокруг корейской проблемы.

Следующий выход КНДР из ДНЯО произошел уже при республиканской администрации Дж. Буша, которая приняла жесткий курс в отношении Северной Кореи, причислив ее к «оси зла» и осудив политику предшественников за заигрывание с «режимами-изгоями». После катастрофических терактов 11 сентября 2001 г. этот курс эскалировал до небывалого уровня.

Успешное на тот момент применение силы в отношении «Галибана» и «Аль-Каиды» в Афганистане, подготовка военного вторжения в Ирак и весьма правдоподобные угрозы в адрес КНДР и Ирана создали фон для решения Пхеньяна о выходе из ДНЯО.

Как отмечалось выше, поводом послужило обвинение Северной Кореи со стороны США в октябре 2002 г. за секретную программу обогащения урана, не поставленную под гарантии МАГАТЭ. По американской версии наличие такой программы было признано корейскими властями (по корейской – нет), после чего США прекратили поставки топлива для тепловых станций Северной Кореи, которые являлись составной частью пакета соглашений 1994 г. После безрезультатных переговоров в январе 2003 г. Пхеньян направил в СБ ООН заявление о выходе из ДНЯО в связи с «тяжелой ситуацией, в результате которой под самую серьезную угрозу поставлены высшие интересы нашего государства»⁷². Причем, сославшись на заявление о выходе от 1993 г., отозванное за один день до окончания положенного по ст. X.1 трехмесячного срока уведомления, КНДР заявила, что ее выход вступает в силу через один день, то есть немедленно⁷³.

Это стало вопиющим нарушением ДНЯО, поскольку мотивация выхода в 1993 г. была неубедительной и тогда, и никак не могла стать актуальной 10 лет спустя. Как обоснование выхода, так и срок уведомления противоречили букве ДНЯО, что могло бы стать основанием для решений Совета Безопасности о санкциях. Однако Россия и КНР не поддержали их, настаивая на продолжении переговоров. Они действительно вскоре начались в шестистороннем формате, но несколько раундов не дали результата. 9 октября 2006 г. КНДР произвела ядерное испытание и стала девятым ядерным государством.

Силовое давление со стороны США и нарушение ими соглашения 1994 г., видимо, увеличили стимул Пхеньяна к созданию ЯО и дали ему повод для выхода из ДНЯО. Более того, выход самих США в 2002 г. из Договора по ПРО и их отказ ратифицировать ДВЗЯИ фактически выдали КНДР политическую «индульгенцию» на выход из ДНЯО и последующее проведение

⁷² Банн Дж., Темирбаев Р. Указ. соч. С. 35, сноска 16.

⁷³ Там же.

ядерного испытания⁷⁴. Но, помимо этого, исключительно негативную роль сыграли как отсутствие единства в Совете Безопасности ООН, так и пренебрежительное отношение государств – членов ДНЯО и СБ ООН к грубому попранию положений ст. X.1 о правилах выхода из Договора.

Хуже того, вместо ограничивающего воздействия на политику стран в ядерной сфере, ДНЯО и его механизмы стали каналом обратного давления стран-нарушителей или потенциальных нарушителей на МАГАТЭ и СБ ООН в их усилиях сохранить Договор.

Вопрос о мотивировке выхода из ДНЯО обсуждался на Обзорной конференции по ДНЯО 2005 г. Многие участники, включая Россию и страны Запада, выступали за более строгий подход к оценке соответствия заявленной мотивировки выхода духу и букве ст. X.1. Интересно, что Соединенные Штаты, наоборот, отстаивали «суверенное право» выхода на любом основании⁷⁵. Очевидно, тем самым они стремились отвести от себя критику за денонсацию Договора по ПРО в 2002 г.

Это явилось еще одним примером ослабления ДНЯО из-за невыполнения великими державами своих обязательств по ядерному разоружению согласно его ст. VI. В более широком плане, разрушительный эффект попыток разорвать данную взаимосвязь выразился в полном фиаско конференции 2005 г. К нему привел жесткий отказ США обсуждать ядерное разоружение в духе решений конференций по ДНЯО от 1995 и 2000 гг. Это не позволило согласовать ряд важных решений, в том числе по проблеме выхода из ДНЯО, предлагавшихся на конференции, о чем речь пойдет ниже.

Выход из ДНЯО для сокрытия нарушений. Шаг Пхеньяна в сторону выхода из ДНЯО в 1993 г., скорее всего, был прямо связан с попыткой скрыть нарушения гарантий МАГАТЭ (наличия объектов по сепарации и хранению плутония). Однако когда выход

⁷⁴ Следует оговориться, что в юридическом отношении выход США из Договора по ПРО не равнозначен выходу КНДР из ДНЯО, поскольку США не обвиняются в прошлых нарушениях Договора по ПРО. Они выдержали шестимесячный срок уведомления и представили легитимную (хотя и спорную в стратегическом плане) мотивировку. Кроме того, ст. XV.2 Договора по ПРО не требует уведомления СБ ООН и не предполагает рассмотрения данного вопроса с его стороны.

⁷⁵ Банн Дж., Темирбаев Р. Указ соч. С. 42, сноска 2.

КНДР был приостановлен за один день до истечения трехмесячного срока – это не получило должной оценки ни государств – членом Договора, ни СБ ООН. Все были настолько рады отмене выхода Северной Кореи из ДНЯО, что не хотели будировать щекотливую тему прежних скрытых нарушений и необоснованности первой заявки о выходе. В Пхеньяне (а также в Тегеране) усвоили урок безнаказанности и широких возможностей дипломатической игры на чередовании смягчения-ужесточения позиции на переговорах с великими державами. Такая беспринципность и излишний прагматизм не могли не отозваться впоследствии – что и случилось 10 лет спустя.

Повторный и окончательный выход Северной Кореи из ДНЯО в 2003 г., как оказалось впоследствии, тоже был связан с сокрытием нарушений Договора – осуществлением тайной урановой программе. Неправомерность второй мотивировки Пхеньяна о выходе из ДНЯО опять не вызвала должной реакции МАГАТЭ и СБ ООН, поскольку имелся прецедент 1993 г. Правда, в новых условиях у КНДР был удобный предлог – силовое давление республиканской администрации США под руководством президента Дж. Буша и срыв ею выполнения Рамочного соглашения 1994 г. Поэтому во втором случае уроки должны быть извлечены также применительно к политике великих держав в отношении «пороговых» стран, равно как и в отношении обязательств по ядерному разоружению, которые администрация Буша объявила несущественными.

В 2004 г. в докладе Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам, назначенной Генеральным секретарем ООН в составе 12 авторитетных бывших государственных деятелей мира, предлагалось, чтобы СБ ООН привлекал выходящее из ДНЯО государство к ответственности за нарушения, совершенные в то время, когда оно еще было участником Договора. По мнению Группы, уведомление страны о выходе из ДНЯО должно незамедлительно вести к проверке выполнения им Договора в прошлом, если необходимо, то с санкции СБ ООН. Годом позже, на Обзорной конференции по ДНЯО 2005 г. те же по сути предложения выдвигались Соединенными Штатами, Европейским союзом, Японией, Австралией и Новой Зеландией⁷⁶. Россия высказалась

⁷⁶ Там же. С. 44, сноска 44.

более туманно – в пользу повышение ответственности государств за принятие решения о выходе в соответствии со ст. X.1 и за согласование ряда политических мер и процедур, но против пересмотра положений Договора⁷⁷.

Использование «мирного атома» в военных целях. Для предотвращения использования плодов сотрудничества в рамках ДНЯО для военных целей обсуждаются разные меры. Например, на Обзорной конференции по ДНЯО 2005 г. ЕС и ряд других стран предлагали согласовать правило, по которому даже в случае выхода из ДНЯО страна обязана и далее использовать все материалы и технологии, созданные в мирных целях в бытность данной страны членом Договора, исключительно в мирных целях и сохранить для них гарантии МАГАТЭ. Еще более жесткий подход состоял в том, чтобы обязать выходящее из ДНЯО государство под угрозой санкций СБ ООН заморозить все материалы и технологии, полученные в рамках сотрудничества, для их последующего демонтажа или возврата поставщикам под контролем МАГАТЭ⁷⁸.

Эти предложения не были реализованы, как и другие, из-за провала конференции 2005 г. Насколько известно, они не обсуждались сколько-нибудь предметно и на конференции 2010 г., когда все усилия были направлены на достижение ее формального успеха и принятие самого общего Заключительного документа.

Но даже если бы такие меры были приняты задолго до этого, их эффект на КНДР был бы неоднозначен. После выхода из Договора в 2003 г. Северная Корея опиралась в своей военной программе, в основном, на материалы, технологии и экспертизу собственного производства или приобретенные у СССР и КНР до заключения ДНЯО (и до присоединения к нему Китая), а также у Пакистана, не являющегося членом Договора. Поэтому и с юридической и с политической точек зрения было бы очень трудно обеспечить сохранение этих материалов и технологий под гарантиями МАГАТЭ или их демонтаж и возврат после выхода КНДР из Договора.

Практическая реализуемость названных мер связана с большими трудностями даже в части сохранения материалов и технологий под гарантиями МАГАТЭ. Как показал опыт КНДР,

⁷⁷ Там же. С. 44, сноска 45.

⁷⁸ Там же. С. 44, сноска 40.

инспекторы МАГАТЭ могут быть в любой момент изгнаны вместе с их оборудованием, когда государство не боится санкций – даже военных. Это тем более так, если данная страна сумеет создать ядерное оружие, взрывное устройство или хотя бы убедительное впечатление о наличии такового.

С этой точки зрения, более эффективны меры демонтажа и возврата материалов и технологий, как минимум и прежде всего, двойного назначения (обогащение урана, сепарация плутония). И эти меры, видимо, должны приниматься незамедлительно после выхода страны из ДНЯО, не дожидаясь, пока она создаст ЯО (в случае Северной Кореи интервал между двумя событиями был три года.) Расширение гарантий МАГАТЭ в неядерных странах – членах ДНЯО должно, в частности, обеспечить как можно более длительный интервал между гипотетическим выходом из Договора и созданием ядерного оружия и надежно исключить тайную разработку ЯО до выхода из ДНЯО.

Но эта наиболее жесткая мера – ликвидация и возврат технологий и материалов – ставит самые большие проблемы юридического, финансового и технического характера: компенсация за приобретенные и оплаченные по контрактам материалы и технологии, изъятие топлива и демонтаж реакторов и других объектов⁷⁹. Тем более противоречив в политическом и юридическом плане вопрос ликвидации материалов и технологий, созданных самостоятельно или приобретенных вне контекста ДНЯО. Еще важнее, что при несогласии данной страны с такими мерами этот путь по существу реализуем только в режиме военной оккупации. Но военная оккупация (которой, скорее всего, предшествует вооруженная акция), по всей вероятности, предполагает смену политического режима. После этого было бы легче обеспечить возвращение страны в ДНЯО и ликвидацию ее военной ядерной программы, что само собой снимет вопрос о демонтаже и возврате материалов и технологий.

Подход к «проблеме выхода» на перспективу. Решение проблемы в рамках международного права и здравого смысла, как и

⁷⁹ Всеобщее соблюдение: стратегия ядерной безопасности. Фонд Карнеги за международный мир. Вашингтон, 2004 (<http://wmd.ceip.matrixgroup.net/UniversalCompliance.pdf>, последнее посещение 14.01.2005).

других вопросов сохранения и укрепления режима нераспространения, требует комплексного подхода и скоординированной политики великих держав и всех стран, приверженных ДНЯО, Совета Безопасности ООН, МАГАТЭ и других институтов и организаций. Анализ исторического опыта корейского вопроса позволяет сформулировать следующие основные предложения.

- Совершенствование гарантий МАГАТЭ и универсализация Дополнительного Протокола 1997 г. должны надежно предотвратить тайное нарушения ДНЯО, что снимет вопрос выхода из Договора для сокрытия прошлых нарушений.

- Заявление государства о предстоящем выходе из ДНЯО должно стать поводом для (1) интенсивных проверок со стороны МАГАТЭ на предмет возможных нарушений Договора или соглашения о гарантиях; (2) созыва внеочередной конференции стран – участниц ДНЯО для рассмотрения мотивировки выхода из Договора; (3) в случае признания несоответствия этой мотивировки ст. X.1 – незамедлительная передача вопроса на рассмотрение СБ ООН в рамках Гл. VI ст. 41 Устава ООН; то же самое – в случае признания обоснованности мотивировки о выходе (т.е. наличия «исключительных обстоятельств», ставящих «под угрозу высшие интересы его страны») – но с целью снять эту угрозу дипломатическим путем без выхода страны из Договора.

- Противодействие проверкам МАГАТЭ и несоблюдение сроков уведомления о выходе должно сразу стать предметом решения СБ ООН о жестких санкциях.

- Все материалы и технологии, имевшиеся в данной стране на момент выхода из ДНЯО, независимо от их происхождения, должны использоваться только в мирных целях и оставаться под гарантиями МАГАТЭ.

- Все технологии и материалы двойного назначения (обогащение урана, сепарация плутония), приобретенные извне или самостоятельно созданные в бытность государства членом Договора, подлежат немедленной консервации и последующему демонтажу или возврату поставщикам под контролем МАГАТЭ. Это должно относиться и к материалам и технологиям, приобретенным в указанный

период из-за рубежа помимо рамок Договора (например, от государства, не являющегося его участником).

- Отказ выполнить два последних условия должен повлечь решение СБ ООН о санкциях в контексте Гл. VII, ст. 41 и 42 Устава ООН, вплоть до применения военной силы.

Понятно, что даже перечисленные радикальные меры не дают полной гарантии от выхода государств из Договора. Однако они могут служить достаточно сильным средством сдерживания от такого шага и уменьшения ущерба от него для международной безопасности. Также очевидно, что все эти условия должны быть узаконены решениями стран – членов ДНЯО и международно-правовыми актами ООН.

Например, Комитет Цангера мог бы утвердить полный перечень технологий, агрегатов и узлов, которые являются ключевыми компонентами производств двойного назначения. В свою очередь, Группа ядерных поставщиков (ГЯП) могла бы включить условие о возврате или демонтаже в случае выхода из ДНЯО в качестве обязательного положения любого будущего контракта на поставки соответствующих технологий в рамках ст. IV Договора. Поскольку закон не может иметь обратной силы, это не относилось бы к неядерным странам, уже имеющим полный цикл, но принятие ими политически обязывающей декларации в этом духе было бы желательным.

Наконец, само собой разумеется, что такие меры реализуемы лишь в условиях единства великих держав и членов СБ ООН, а это возможно только если они на деле возведут ядерное нераспространение в статус высшего приоритета своей стратегии международной безопасности. Кроме того, обретение сильной морально-политической позиции великих держав и укрепление их сотрудничества с большинством неядерных стран – членов ДНЯО предполагает последовательное продвижение в выполнении обязательств ядерных держав по ст. VI Договора о ядерном разоружении.

Выводы

1. Связь между внутренней и внешней политикой Северной Кореи всецело сводится к интересам выживания северокорейского политического строя. При этом тоталитарный режим видит в рыночных реформах и политике открытости прямую угрозу своей власти. Парадокс в том, что главная опасность для правящей номенклатуры состоит в недееспособности и архаичности экономико-политической системы КНДР, которая усугубляется наличием по ту сторону демилитаризованной зоны процветающего и свободного общества соотечественников в лице Южной Кореи. Внешний мир не способен существенно ослабить эту опасность, даже если бы хотел этого во имя поддержания стабильности на полуострове. Идеология «внешней угрозы» и «преимуществ» социализма в условиях полной изоляции народа от внешней среды служит двуединой опорой консервации северокорейского режима.

Ядерное оружие – это практически единственный инструмент постоянной игры Пхеньяна на нервах человечества как с целью раздувания мифа о внешней угрозе, так и для выторговывания очередных экономических подачек со стороны других стран для продления существования режима в отсутствие насущно необходимых реформ. Как показал опыт 20 последних лет, дипломатия имеет в разрешении этого фундаментального противоречия лишь ограниченные и тактические возможности.

2. Новый северокорейский лидер Ким Чен Ын на настоящий момент продемонстрировал, что не намерен изменять стратегию сохранения государства, и продолжит следовать прежним курсом ядерного шантажа для консолидации режима и в надежде на получение от США и Южной Кореи экономической помощи и гарантий безопасности. Однако никакая помощь или гарантии не способны решить основной проблемы выживания северокорейской системы в долгосрочной перспективе. А крупные иностранные инвестиции, для которых нужны реальные реформы, и глубокий мирный процесс на полуострове – скорее всего как раз и повлекут разрыхление и крах существующего строя. Из этого замкнутого

круга пока не видно реального выхода, но он служит фактором периодических всплесков ракетно-ядерной активности КНДР и обострения напряженности в регионе.

Третье ядерное испытание в феврале 2013 г., запуск баллистической ракеты в декабре 2012 г., прямые военные угрозы в отношении внешнего мира были, в наибольшей степени, нацелены на повышение личного авторитета Ким Чен Ына. Однако такие акции весьма опасны, поскольку в ходе ответных мер других стран эскалация очередного кризиса может когда-то выйти из-под контроля.

3. В Пхеньяне уверены в том, что противоречия и конфронтация между Россией, США и Китаем носят «вечный» характер, что дает шансы на постоянное маневрирование и игру на противоречиях «большой тройки». При этом руководство КНДР мало опасается новых санкций со стороны международного сообщества.

4. Недавние события, когда руководство КНДР сначала искусственно спровоцировала острый кризис, а затем выступило с инициативой возобновления диалога с Южной Кореей и США – лишний раз демонстрируют отмеченную выше динамику внутренней и внешней политики Пхеньяна. Мировое сообщество не должно иметь иллюзии по поводу перспектив возобновления диалога с Пхеньяном и, тем более, вести политику «умиротворения» КНДР и идти на односторонние уступки, чтобы утихомирить блефующих пхеньянских руководителей. Но в то же время не следует огульно отвергать предложения о возобновлении переговоров. На них нужно последовательно и жестко увязывать любые уступки дальневосточной «пятерки» с ответными шагами Северной Кореи по ограничению ее ракетно-ядерной программы и снижению угрозы вооруженного конфликта в регионе.

5. Единственный путь финального решения проблемы северокорейского режима и ядерного вопроса состоит в постепенной трансформации системы КНДР в направлении рыночных изменений и большей открытости. В условиях, когда сам режим боится идти по этому пути, определенное стимулирующее воздействие со стороны соседних стран может оказать стратегия «тотального вовлечения» Северной Кореи в коммерческие, инфраструктурные и гуманитарные проекты сотрудничества,

нацеленная на изменение менталитета восприимчивой к переменам части общества.

Однако здесь необходима координация усилий заинтересованных стран. Если в вопросах силового сдерживания Пхеньяна на первые роли выходят ядерные державы, то в политике «тотального вовлечения» требуется взаимодействие всех стран – участниц шестисторонних переговоров по Северной Корее.

6. При отсутствии серьезных перемен в экономике вероятность коллапса режима будет возрастать. Развал политической системы может происходить и по пути прогрессирующей утраты контроля руководства над управлением, что приведет к распаду страны.

В свете такой перспективы соседние страны и, в первую очередь, КНР должны заблаговременно подготовить меры по предотвращению потери контроля над ядерным оружием КНДР или его попадания в руки террористов или других безответственных стран.

7. Последнее ядерное испытание обозначило ощутимый прогресс северокорейских разработчиков. Угроза обладания Пхеньяном ограниченным, но дееспособным ракетно-ядерным потенциалом становится вполне реальной. В этом случае возможности мирового сообщества по воздействию на Пхеньян значительно уменьшатся. О серьезности ситуации свидетельствует и возросшая, по сравнению с предыдущими испытаниями, жесткость международной реакции, прежде всего, со стороны Китая.

8. Оценка нынешнего состояния ядерной программы КНДР представляет значительные трудности в связи с дефицитом сведений, относящихся не только к различным техническим аспектам программы, но и к ядерной политике Пхеньяна в целом. Так, если рассматривать имеющееся уранообогащительное производство как источник получения оружейного урана для ядерного арсенала КНДР, то вполне вероятно наличие в Северной Корее еще одного объекта по обогащению урана. Для освоения технологии урановых боезарядов Пхеньяну придется продолжить серию ядерных испытаний.

Следует ожидать, что в среднесрочной перспективе (три-пять лет) в Йонбенском атомном центре будет достроен легководный реактор мощностью 25–30 МВт и возобновятся работы по сооружению 50-мегаваттного газографитового реактора, ввод в

эксплуатацию которых позволит резко увеличить наработку плутония. Также будут наращиваться мощности по газоцентрифужному обогащению урана.

Создание в КНДР межконтинентальной баллистической ракеты в текущем десятилетии вряд ли возможно. Однако имеющее место долгосрочное сотрудничество КНДР с Ираном в области ракетостроения открывает для Пхеньяна дополнительные возможности на этом пути после 2020 г.

Основополагающая цель выживания будет подталкивать руководство КНДР к дальнейшему развитию ракетно-ядерного потенциала. Имевшиеся ранее у международного сообщества надежды на достижение договоренности с КНДР по демонтажу ее оружейной ядерной программы, видимо, придется отбросить или отложить на отдаленное будущее, связанное с процессом политической трансформации или внезапным коллапсом режима.

9. Тем не менее и в обозримый период, при условии тесной координации позиций дальневосточной «пятерки», можно добиться ряда более ограниченных, но весьма важных целей в обмен на частичное снятие санкций и предоставление экономической помощи.

Во-первых, (по нарастанию важности и сложности) это возвращение под инспекции МАГАТЭ атомных реакторов, а затем, желательно, тех или иных предприятий ЯТЦ, запасов делящихся материалов. Во-вторых, прекращение испытаний ракет все большей дальности. В-третьих, мораторий на испытание ядерных боеприпасов. В последнем случае огромную важность имела бы обещанная президентом Обамой ратификация ДВЗЯИ Соединенными Штатами, а вслед за ними Китаем, Индией, Пакистаном и другими странами, без которых Договор не может вступить в законную силу. В-четвертых, политические шаги по нормализации положения на полуострове. В-пятых, меры доверия и ограничения военной деятельности, снижающие опасность вооруженного конфликта.

Понятно, что все такие соглашения будут противоречить интересам Пхеньяна в поддержании военной напряженности ради внутривнутриполитической консолидации. Однако потребность режима в получении экономической помощи и международной легитимации – тоже ради своего выживания – может перевесить стимулы к сохранению высокого уровня конфронтации в регионе. Подобные

подвижки имели место во второй половине 1990-х годов и в 2007–2008 гг. Хотя они потом были обращены вспять, эти соглашения все же имели положительное значение в плане торможения ядерной программы КНДР, и данный опыт следует по возможности воспроизводить в будущем.

10. Одновременно с переговорным процессом США, Южная Корея и Япония должны поддерживать достаточный объединенный военный потенциал в регионе, включая системы ПРО для сдерживания авантюристических поползновений Пхеньяна и демонстрации бесплодности его периодических кампаний ракетно-ядерного шантажа.

При этом исключительную важность имели бы соглашения между США, их союзниками и КНР о мерах доверия, предсказуемости и ограничения военной деятельности в западной части Тихого океана, чтобы разумные оборонительные меры против КНДР не влекли взаимных подозрений и роста военного соперничества с Китаем. В еще большей мере это относится к развитию систем ПРО США и их союзников в АТР, которое не должно восприниматься Пекином как курс на подрыв его потенциала ядерного сдерживания. Недавнее ужесточение позиции КНР в отношении провокационных действий Пхеньяна создает для этого благоприятные предпосылки.

11. Кроме того, базовый санкционный режим необходимо сохранить, как и отказ от признания КНДР легитимным ядерным государством – ввиду вопиющих нарушений духа и буквы ДНЯО, допущенных Пхеньяном до и в процессе выхода из Договора. В ином случае «северокорейская модель» распространения – путем обхода гарантий МАГАТЭ, а затем выхода из ДНЯО и создания ядерного оружия на основе мирных атомных технологий и материалов – может послужить привлекательным прецедентом для Ирана и других «пороговых» стран.

Полное восстановление отношений с КНДР и реабилитация всех прав страны в мировом сообществе возможны только в итоге ликвидации ее ядерного оружия, прекращения всех связанных с ним военных программ и разработок, возвращения в ДНЯО и под полный контроль МАГАТЭ в рамках Дополнительного Протокола 1997 г. – по примеру ЮАР в 1992 г. Такой итог зависит от процессов внутри КНДР и в целом на полуострове.

12. Опыт ядерной программы КНДР исключительно важен и в контексте общей тематики ядерного нераспространения. Этот опыт наглядно продемонстрировал важнейшее слабое звено ДНЯО и всего основанного на нем режима нераспространения, которое связано со ст. X.1 о праве выхода из Договора. То, каким образом это право было реализовано в случае Северной Кореи, бросает вызов всему режиму нераспространения, расчетам мирового сообщества на сохранение и укрепление этого режима. Прецедент КНДР должен повлечь существенные меры укрепления ДНЯО, чтобы предотвратить рецидивы такого рода в случае Ирана и других вероятных нарушителей режима нераспространения.

13. Юридическая логика содержания Договора предполагает несколько важных предпосылок. Недопустимо, чтобы благодаря Договору государство могло получить блага международного сотрудничества в «мирном атоме», а затем выйти из ДНЯО и воспользоваться этими благами в военных целях. Также неприемлем выход из Договора с целью сокрытия нарушений ДНЯО государством в его бытность членом Договора. Оба указанных прецедента имели место в опыте КНДР.

Далее, мотивация выхода из Договора не может быть формальностью, а должна полностью соответствовать его букве и служить критерием оценки истинных причин выхода государства из ДНЯО, а определять выбор адекватных ответных мер мирового сообщества. Рассмотрение соответствия мотивов выхода положению ст. X.1 должно осуществляться не выходящим из Договора государством, а всеми остальными государствами – членами ДНЯО и Советом Безопасности ООН.

Установление факта нарушения Договора является исключительно прерогативой МАГАТЭ. Это относится и к дополнительной проверке возможных прежних нарушений ДНЯО в случае заявления государства о выходе из Договора. В свою очередь, решение о принятии санкций или военной силы должно быть исключительно компетенцией СБ ООН.

14. В перспективе, совершенствование гарантий МАГАТЭ и универсализация Дополнительного протокола 1997 г. должны надежно предотвратить тайные нарушения ДНЯО, что снимет вопрос выхода из Договора для сокрытия прошлых нарушений. Заявление государства о предстоящем выходе из ДНЯО должно стать поводом для интенсивных проверок со стороны МАГАТЭ на

предмет возможных нарушений Договора или соглашения о гарантиях и созыва внеочередной конференции стран – участниц ДНЯО для рассмотрения мотивировки выхода из Договора.

В случае признания несоответствия этой мотивировки ст. X.1 вопрос должен быть незамедлительно передан на рассмотрение СБ ООН в рамках Гл. VI ст. 41 Устава ООН. В то же время противодействие проверкам МАГАТЭ и несоблюдение сроков уведомления о выходе должно сразу стать предметом для решения СБ ООН о санкциях.

15. Все материалы и технологии, имевшиеся в данной стране на момент выхода из ДНЯО, независимо от их происхождения, должны использоваться только в мирных целях и оставаться под гарантиями МАГАТЭ. В свою очередь все технологии и материалы двойного назначения (обогащение урана, сепарация плутония), приобретенные извне или самостоятельно созданные в бытность государства членом Договора, подлежат немедленной консервации и последующему демонтажу или возврату поставщикам под контролем МАГАТЭ.

Отказ государства выполнять два последних условия должен повлечь решение СБ ООН о санкциях в контексте Гл. VII, ст. 41 и 42 Устава ООН, вплоть до применения военной силы.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АСЕАН	Ассоциация стран Юго-Восточной Азии
АЭС	атомная электростанция
БРПЛ	баллистическая ракета подводных лодок
БРСД	баллистическая ракета средней дальности
ГКО	Государственный комитет обороны
ГЯП	Группа ядерных поставщиков
ДВЗЯИ	Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний
ДНЯО	Договор о нераспространении ядерного оружия
ИМЭМО РАН	Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук
КНА	Корейская народная армия
МАГАТЭ	Международное агентство по атомной энергии
МБР	межконтинентальная баллистическая ракета
МИД	министерство иностранных дел
МО	министерство обороны
НАТО	Организация Североатлантического договора
НИОКР	научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы
ОДКБ	Организация Договора о коллективной безопасности
ОМУ	оружие массового уничтожения
ООН	Организация Объединенных Наций
ОТР	оперативно-тактическая ракета
ОЯТ	отработанное (облученное) ядерное топливо
ПРО	противоракетная оборона
РС	Рамочное соглашение между США и КНДР, 1994 г.
СБ ООН	Совет Безопасности ООН
СВР	Служба внешней разведки
СМИ	средства массовой информации
ЦК ТПК	Центральный комитет Трудовой партии Кореи
ЦТАК	Центральное телеграфное агентство Кореи

ЯО	ядерное оружие
ЯТЦ	ядерный топливный цикл
NTI	Nuclear Threat Initiative

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Список участников конференции, состоявшейся 28 марта 2013 г. в ИМЭМО РАН

1. А.Г. Арбатов, руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, академик РАН.
2. Н.К. Арбатова, заведующая Отделом европейских политических исследований ИМЭМО РАН.
3. В.Г. Барановский, заместитель директора ИМЭМО РАН, академик РАН.
4. В.И. Владимиров, старший научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН.
5. Э.А. Воробьев, советник директора Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара, генерал-полковник (в отставке).
6. А.В. Воронцов, заведующий Отделом Кореи и Монголии Института востоковедения РАН.
7. П.В. Гончаров, политический обозреватель Радио «Голос России».
8. М. Диакс, сотрудница политического отдела Посольства Германии в Российской Федерации.
9. Т. Дурис, сотрудник политического отдела Посольства Германии в Российской Федерации.
10. В.И. Есин, ведущий научный сотрудник Института США и Канады РАН генерал-полковник (в отставке).
11. М.Г. Евтодьева, старший научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН
12. А.В. Загорский, руководитель Отдела разоружения и урегулирования конфликтов ИМЭМО РАН.
13. П.С. Золотарев, заместитель директора Института США и Канады РАН, генерал-майор (в отставке).
14. В.Н. Игнатьев, ведущий советник Комитета по обороне Государственной Думы ФС РФ, капитан I ранга (в отставке).

15. И. Илич, стажер политического отдела Посольства США в Российской Федерации.
16. Кавако Мидзуё, первый секретарь политического отдела Посольства Японии в Российской Федерации.
17. Т.Т. Кадышев, ведущий научный сотрудник Центра по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии.
18. С.Ю. Казеннов, ведущий научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН.
19. В.И. Камышанов, президент Федерации мира и согласия.
20. И.Я. Кобринская, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН.
21. Р. Ковальчук, первый советник Посольства Польши в Российской Федерации.
22. И.В. Кондрацкий, бывший советник Посольства Российской Федерации во Франции.
23. Р. де Лагард, политический советник Посольства Франции в Российской Федерации.
24. М.А. Лебедев, ученый секретарь Российского Пагоушского комитета при Президиуме РАН.
25. Д.С. Лялин, третий секретарь Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД России.
26. В.В. Михеев, заместитель директора ИМЭМО РАН, член-корреспондент РАН.
27. В.Е. Новиков, заместитель руководителя Центра оборонных исследований Российского института стратегических исследований.
28. Му Цзихуэй, первый секретарь Посольства КНР в Российской Федерации.
29. С.К. Ознобищев, заведующий сектором Центра международной безопасности ИМЭМО РАН.
30. Е.В. Орлов, старший помощник атташе по вопросам обороны Посольства Украины в Российской Федерации.
31. А.Н. Перенджиев, доцент Кафедры политологии и социологии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (подполковник запаса).
32. Дж. Разерфорд, вице-консул по вопросам политики и экономики Консульства США в Екатеринбурге.
33. А.В. Рачков, директор филиала Российского федерального ядерного центра – Всероссийского научно-

- исследовательского института экспериментальной физики в Москве.
34. Н.П. Ромашкина, старший научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН.
 35. В.И. Рыбаченков, ведущий научный сотрудник Центра по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ-Университет.
 36. Л.Ф. Рябихин, заместитель председателя Комитета ученых за международную безопасность.
 37. В.И. Сажин, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.
 38. Э.Г. Соловьев, заведующий сектором теории политики ИМЭМО РАН.
 39. В.И. Сотников, старший научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН.
 40. Ю.В. Тавровский, главный редактор журнала «Дипломат».
 41. Г.Д. Толорая, региональный директор по Азии и Африке, руководитель управления региональных проектов фонда «Русский мир».
 42. П.В. Топычканов, старший научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН.
 43. М.А. Усачева, координатор проектов Информационного бюро НАТО в Москве.
 44. А.В. Хлопков, директор Центра энергетики и безопасности.
 45. А.А. Храмчихин, заместитель директора и заведующий Отделом Института политического и военного анализа.
 46. Хун Сун Бок, первый секретарь Посольства Республики Корея в Российской Федерации.
 47. Янь Фэн, первый секретарь Посольства КНР в Российской Федерации.
 48. С.В. Целицкий, научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН.
 49. Д.А. Чижов, научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН.
 50. Т.А. Шаклеина, заведующая Кафедрой прикладного анализа международных проблем МГИМО-Университет МИД России.
 51. Ян Чжэн, политический обозреватель газеты «Жемин Жебао».